18+

Архитектор

Кирилл Берендеев

магический роман

Кирилл Берендеев

Архитектор

«Издательские решения»

Берендеев К.

Архитектор / К. Берендеев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Известный архитектор Борис Покровский приезжает в дом, возведенный по его проекту, по просьбе нового владельца. Войдя в дом, он уже не может выйти обратно. Борис становится заложником собственного творения. Дом ведет его куда-то, раскрывая одну за другой двери своих комнат и тайных страхов Бориса. Архитектор ищет выход, но найти его не так просто. Он окончательно запутался в коридорах, наполненных воспоминаниями и обрывками из прошлого… и вот, кажется, выход найден. Но куда он ведет?

© Берендеев К.
© Издательские решения

Содержание

В поисках выхода (вместо предисловия) 6
Часть первая 8
1 8
2 11
3 14
4 20
5 23
6 28
7 31
8 37
9 43
10 51
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Архитектор

Кирилл Берендеев

Редактор Юрий Вилюха
Корректор Виталий Павлых
Дизайн обложки Кирилл Берендеев
Иллюстрация на обложке Студия Фотоворлд

© Кирилл Берендеев, 2026

ISBN 978-5-0071-6426-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В поисках выхода (вместо предисловия)

У этого романа не совсем обычная судьба, во всяком случае, среди других моих произведений. Первый раз я пытался написать что-то подобное очень давно, еще в 90-ых годах прошлого века, когда увидел сон, рассказывающий историю человека, неспособного покинуть свой дом. Сны это особая тема моего творчества, никак не меньше половины всего мной написанного взращено именно на них, когда-то увиденных и переосмысленных. Но здесь они играют тоже необычную роль.

Иллюстрация Джессики Квок

Итак, в середине 90-ых я попробовал написать повесть, не слишком удачную, ибо забросил ее на середине, поняв, что мне банально не хватает умения изложить нужные мысли в правильном порядке. Пришлось отложить до лучших времен, не в такой уж долгий ящик, к

слову сказать. Уже через несколько лет я посчитал себя достаточно умелым графоманом, чтоб снова взяться за тему, не дающую покоя столько лет. Пересмотрел записи и начал с новой строки. Перенес действие из Швейцарии, где изначально планировал обосноваться мой герой, в Россию, чьи палестины мне куда ближе чужих историй; именно обогащенный приятельским опытом пребывания в далекой конфедерации я и запланировал отправить своего персонажа в тот горный край. Сменил возраст и профессию героя, да еще много чего переменил. Повесть вышла. Но все равно не устраивала — я понял, насколько мало сумел сказать и насколько много пытался. И снова взялся за перекройку.

Многие писатели поступали схожим образом, а вот мне до той поры подобная перекройка оказалась в новинку. Что далеко ходить, Флобер так долго шлифовал «Госпожу Бовари», что жаловался в письмах знакомым: «Что за тяжёлое весло — моё перо!». И вправду, знаменитый француз порой переписывал одну и ту же страницу помногу раз. Ни в коей мере не претендуя на хотя бы искру величия его романа, скажу, что мой труд оказался столь же тяжел и непрост. Повесть не просто разрослась, она стала полноценным романом, который втянул в себя еще много чего из меня: переживания, воспоминания, мысли, ощущения, знакомых — и конечно, сны. «Архитектор» как пылесос вобрал существенную часть сущности автора — признаться, по его окончании я еще долгое время не просто не мог вернуться за клавиатуру, но ощущал себя совершенно разбитым, лишенным чего-то важного, какой-то внутренней сущности.

И вот странно, когда я не так давно перечитывал роман, нашел изложенные в нем мысли и переживания совершенно сторонними, удивляясь, как я мог когда-то думать так и ощущать эдак, сейчас-то по прошествии двадцати лет я совершенно иной человек. Недаром Сартр говорил, что каждое написанное им произведение как отрезанный ломоть, к которому невозможно вернуться и что-то выправить. Этот роман теперь именно таков, каким я его задумал и воплотил тогда, двадцать лет назад. Он вышел из меня весь, оставив после себя двойственные ощущения — удовольствия от наконец-то завершенного большого дела и опустошенности, о которой я писал чуть выше. Только спустя полгода после завершения «Архитектора» я смог вернуться за стол и настрочить что-то еще. А что получилось в итоге — решать уже вам, читатель.

Кто-то может посчитать, что мой роман своего рода антитеза «Замку» Кафки, в самом деле, К., герой великого Франца, все силы тратит на попытку проникнуть в величественное сооружение, мой же Борис Покровский столь же мучительно пытается из него выбраться. Но я руководствовался несколько иными соображениями. Перед этим написав небольшой рассказ о человеке, который вернулся и теперь не может покинуть район своей юности, я как бы продолжаю эту тему, развернув ее на двадцать с лишним листов. И мой персонаж ищет не столько выход из особняка, построенного им в недалеком прошлом, сколько самого себя, затерявшегося в причудливо меняющихся комнатах строения. Прошлое, настоящее и будущее откроются ему в калейдоскопе залов, он будет по крупицам собирать себя, ища и находя части былого и грядущего, друзей и любимых, пока не поймет ту простую истину, что всего дороже всякому ищущему человеку и для всякого странника в собственной душе открывается лишь под самый конец путешествия. Я надеюсь, его блуждания сподвигнут и вас, читатель, на размышления о прихотливой природе человеческой самости, о тех дебрях, что нас ждут в самой сердцевине собственного разума. Ведь всем нам хочется выбраться из чащобы сомнений и тревог на свет. Расставить все по своим местам, разложить страхи по полочкам и избыть их навсегда. Надеюсь, так и случится.

Приятного вам чтения!

Часть первая

1

Машина вывернула на Рублевское шоссе. Водитель выжал педаль газа до пола, выбросив «Лендровер» на левую полосу движения и, посмотрев на спидометр, стрелка которого немедленно превысила положенные восемьдесят, чертыхнулся про себя.

Иллюстрация студии «Фанки фокус»

Нелепейшая идея! В самом деле, просто несуразная. Но место того, чтобы просто посмеяться, он незамедлительно поддался ей, будто получив приказ, на выполнение которого отводилось всего ничего времени. И бросив все текущие дела, собрался, выкатил автомобиль в августовский заполдень. Поспешил, оставив дома часы и сотовый, к человеку, которого не просто не видел ни разу в жизни, но и понятия не имел, до случившегося десять минут назад телефонного звонка, о его существовании.

Вообще все было странно: Покровский некоторое время выслушивал велеречивого собеседника, под конец беседы пригласившего архитектора к себе, в усадьбу. А вот затем произошло то, чего не происходило никогда прежде: Борис условился о немедленной встрече почти сразу, что ошеломило самого Покровского, наверное, куда больше, нежели собеседника, пришедшего от его согласия в совершенный восторг и с охотою добавив в поток благодарностей еще немало льстивых слов.

Покровскому стало муторно, он прервал словоохотливого обладателя собственности, спросив адрес, который тот, с тайным трепетом назвал, ожидая немедленного узнавания; напрасно. Что-то заворохобилось в подсознании, что-то, возжелавшее немедленно выбраться наружу, когда Борис услышал название коттеджного поселка. Но он привычно заглушил эти

поползновения, быстро стал собираться. Втайне надеясь на спасительный звонок, медлил в прихожей, тщательнее обычного шнуруя ботинки и выбирая кашне, надеялся, что некто неведомый отзовет его с назначенной встречи, и освободит от необходимости в странной поездке, возымевшей над ним почти мистическую силу.

Увы, ничего подобного не случилось, звонок не прозвенел, вдобавок, он позабыл, быть может, надрывавшийся в эти минуты бешеной гонки, сотовый телефон, дома, с именно тем абонентом на другом конце провода, кто непременно должен был нарушить его планы, но по каким-то причинам чуть-чуть запоздал. И в дороге его спасти от визита было некому. Того самого визита, на который он с такою спешкою рвался, пренебрегая всеми правилами уличного движения — и которого вместе с тем, подсознательно столь опасался.

Неожиданно в кармане его плаща что-то тревожно запиликало, выдав «Полет валькирии», электронную обработку этой мелодии из оперы Вагнера. Борис вздрогнул, машину повело, он торопливо полез в карман. Пейджер, позабытый за ненадобностью, — Покровский давно хотел от него избавиться, да все не находил времени. Теперь эта «устаревшая техника» — нет, не спасала от встречи, извещала о курсе валют на время закрытия сессии, как всегда с порядочным запозданием — сессия окончилась в полдень, а сейчас уже час с небольшим.

Он нервно выдохнул, снова сосредоточившись на движении. Машин прибавилось, прибавилось и работы рукам — «Лендровер» метался с полосы на полосу, выискивая в уплотнившимся потоке бреши, заполняя их и ища новые, дальше, дальше. Все ближе и ближе к тщательно позабытому прошлому.

Над Борисом пронесся мост окружной автодороги — он покинул пределы Москвы. Покровский отвлекся, обгоняя ползущий по центральной полосе бензовоз, изрыгавший клубы выхлопных газов, а затем, привычно полез в карман плаща. И снова вспомнил, что сотовый остался лежать на журнальном столике, а с ним лишь старый пейджер.

— Фу ты, пропасть! — с досады он стукнул по рулю «Лендровера». Взгляд его скользнул ниже, и против воли Борис улыбнулся. Еще и это. Костюм, в котором он обычно выезжал на работу — темно-коричневый «Эсквайр», — сейчас был представлен лишь брючной парой. Потрясающе, но поверх белоснежной рубашки Покровский — ох уж эта спешка! — надел вишневый пиджак от Пазолини. Оба висели на соседних вешалках — конечно, он ошибся. Можно представить, как он выглядит со стороны.

Перед его «Лендровером» промелькнул указатель. Все верно. Тот самый коттеджный поселок, где он несколько лет назад, поставил каменный дом площадью в тысячу двести метров. Воздушный замок, этакую фату-Моргану своих грез.

Странно, что он сразу, как его собеседник назвал адрес, не мог вспомнить о единственной воплощенной в камне своей мечте. Он просто обязан ни при каких обстоятельствах не забывать о ней — и тем не менее, забыл. Или и должен забыть? Ведь *его* фата-Моргана предназначалась другому; даже сейчас, имея в запасе десятилетний опыт проектирования, две награды академии художеств, несколько дипломированных работ и известность, от которой могла закружиться голова; — имея все, это Борис по-прежнему не мог позволить себе воплощение собственной фантазии.

Пока его мечты разбивались о реалии невообразимо высоких цен на участки вблизи Москвы. И он отыгрывался на таких вот заказчиках, что могли позволить многое, если не все, и кидались этим многим, уподобляясь сеятелю, разбрасывающему зерна нового урожая. Возможно, они так и считали. Возможно, так оно и было.

Тот человек, Борис с ходу не вспомнил его фамилии, которому он предложил свою мечту, был как раз одним из таких сеятелей.

Его, правда, пришлось долго убеждать в том, что тот мечтал именно о таком дворце, а не о другом, который он коряво, торопливо, набросал на бумаге и выразил в нескольких абстрактных фразах. Владелец сопротивлялся, сопротивлялся долго и отчаянно, но и Борис

наседал и, в конце концов, победил. Заказчик, подавленный авторитетом Покровского, а так же пожеланиями своей половины, вставшей на сторону архитектора, стих и согласился с мнением архитектора.

Борис вытащил из «дипломата» маленький, величиной чуть больше ладони, электронный секретарь на батарейках, ногтем поддел и откинул пластмассовую крышку, включил. И заглянул в один из каталогов раздела «Стройки ближнего Подмосковья», проверяя свою память, столь же регулярно зачищаемую, как и содержимое регистров этой электронной машинки.

Да, все верно, оба адреса сошлись. Он и раньше строил в этом поселке дома, но вот оказалось, что именно здесь проживает нынешний владелец усадьбы, что решился, в чем-то перекроить плод фантазии Покровского под свое видение загородного дома зажиточного москвича. И сегодня днем позвонил ему, и непонятно какой силой — Борис, сколько ни старался, никак не мог вспомнить хоть одну характерную деталь в том человеке, ничего, мутное пятно, только голос, который он не узнал, — сумел настоять на скорейшей встрече — так тому хотелось похвастаться своими достижениями перед известным архитектором, показать, что и мы не лыком шиты.

А теперь и сам разговор с владельцем уже начинал испаряться из памяти, словно снег под апрельским солнцем. Борис злился, злился на самого себя, но поздно — он уже съезжал с шоссе на узкую улочку, ведущую к поселку, потихоньку подбираясь к перегородившему проезд полосатому шлагбауму, рядом с которым находилась узкая будочка поста.

Значит, именно тот дом. Жаль, конечно, жаль увидеть искореженной свою, в кои-то веки воплощенную в реальность, мечту, но видно, он с самого начала мазохистски желал — иначе, как еще объяснить столь странное стремление приехать, увидеть, подспудно теребившее его.

Он проехал еще несколько десятков метров, прежде чем в боковом окне появилось то, чего увидеть он желал и опасался одновременно.

Свое здание Борис узнал сразу. И узнав, вздохнул с некоторым облегчением. На первый взгляд почти ничего не изменилось, Борис построил на участке на окраине коттеджного поселка легкий, воздушный замок, высотой в три этажа. Его замок напоминал об эпохе Возрождения, которую Покровский предпочитал всем другим временам — изящные шпили, устремившиеся в небеса, высокие стрельчатые окна, только видом своим, но никак не размерами напоминавшие о временах смут и междоусобиц. И как форпост, некое подобие башни Кутафья, ажурная веранда, увенчанная невысоким шпилем и флюгером, соединенная с массивом дома небольшим, в метра два длиной, закрытым переходом. Под ним проходил неглубокий ров, декоративный, но придававший всему сооружению некую солидность, долговечность, причем долговечность, уходящую по шкале времени в обе стороны, словно архитектор просто воссоздал старинный замок на месте утраченного.

Борис не сводил со своего замка глаз. «Лендровер» подъехал к ограде, развернулся у железных ворот, посигналил; ворота начали медленно разъезжаться в стороны, пропуская автомобиль. Борис направился в сторону главного входа, поминутно оглядываясь по сторонам — вокруг был разбит геометрически выверенный английский парк, его не было раньше, но он вполне вписывался в общий пейзаж вокруг дома, не нарушая гармонии.

Дорожка подвела к крыльцу и оборвалась. Борис огляделся в некоторой растерянности. Никакого намека на трехместный гараж, что он выстроил в цокольном этаже: ворота аккуратно заделаны, а стена оштукатурена и покрашена заново и теперь ничем не отличается от соседних стен. Странно, разве владельцу не нужен автотранспорт? Как же тогда он добрался до места — или хозяин всякий раз вызывает шофера? А прислуга? В любом случае, труды Покровского в подвале пропали даром.

Парадная дверь в доме отворилась, Борис, уже поднимавшийся на крыльцо едва не столкнулся с появившимся на пороге человеком.

2

— Еще раз добрый день, — произнес тот, пожимая руку Покровского обеими руками. Пальцы архитектора утонули в мягких ладонях нового владельца дома. — Очень рад, что вы оказали мне такую любезность, откликнувшись на мой зов и приехав в эти глухие места. Право же, это большая честь для меня, большая честь.

— Взаимно…, — Борис сделал паузу, вспоминая имя-отчество собеседника; сколь ни старался, не мог вспомнить. Да и лицо… вроде бы тоже знакомое. Но как знакомое, — похожих лиц Борис за время поездок и переговоров повидал немало. Крупные черты лица, седеющие волосы человека, перешагнувшего пятый десяток, прямой, с небольшой горбинкой, нос, немного пухлые губы, жесткие короткие усы над ними, не скрывавшие пухлость губ, а скорее, подчеркивающие ее; в усах тоже пробивалась седина. Ростом хозяин едва доставал архитектору до плеча, невысокий пухлый человечек в дорогом костюме, только стоя на две ступеньки выше Покровского, он мог общаться с ним «на равных». Черные глаза хозяина пристально разглядывали его, Покровскому этот взгляд был неприятен.

— Иннокентий Давыдович Циммерман, к вашим услугам, — вежливости ради, хозяин дома взял вину на себя. — Я, кажется, позабыл представиться, экая оплошность с моей стороны. Да, что же мы стоим — проходите в дом.

Циммерман отступил с порога, пропуская Покровского вперед. И с невозможной поспешностью захлопнув ее, пробежал через небольшую — хоть тут ничего не изменилось — веранду, застекленную витражами с «загадочными символами», как выразил это в плане сам Борис и заставленную соломенной мебелью, покрытой пледами в цвет витражей, и уже открывал перед архитектором следующую дверь, в переход. И, забежав снова, провел через коридор, ведущий в сам «замок», в парадную гостиную. Жестом указал на диван, расположившийся у высокого стрельчатого окна — стрельчатые окна были на всем первом этаже.

Здесь так же все осталось по-прежнему, и Борис, войдя в помещение, вздохнул и оглянулся по сторонам. Парадная гостиная имела впечатляющие размеры — шестьдесят квадратных метров и достигала в высоту пяти метров. Гостиная в буквальном смысле подавляла: окна от пола до потолка, парадная лестница, ведущая на второй этаж, паркетная плитка пола, выложенная причудливым лабиринтом в центре — все это невольно заставляло либо в спешке проходить в комнаты ошарашенного посетителя, либо искать уголок поспокойнее, и уже оттуда искоса разглядывать обстановку огромного помещения. Затейливый герб, висящий над входом, и развешенное по стенам на высоте метров двух грозное оружие давно минувших эпох: мечи, алебарды, секиры, сабли, чеканы, шестоперы, пики, самых различных форм и видов, прикрытые мощными щитами с изображениями морд львов, рядом с ними или над ними — картины художников эпохи Возрождения. Угловатый флорентинец Уччелло, чья картина «Битва при Сан-Романо» занимала левую сторону гостиной, — она немного отличалась от той, что находилась в самой Флоренции, возможно, другой вариант. Под ним находился потемневший от времени «Воин с оруженосцем» Джорджоне.

Правую сторону украшал магистр эпохи позднего Возрождения — венецианец Тинторетто, — несколько его батальных работ, опознать которые Покровскому не удалось, возможно, фрагменты к его знаменитой «Битве при Заре», украшавшей последний из парадных залов дворца Дожей.

Парадную лестницу также украшали работы: Бартоломео Манфреди и Баттисты Досси — несколько портретов знаменитых людей той эпохи, в кирасах и при оружии, бивуачные сцены и на самом верху, битва святого Георгия со змием.

— Чай, кофе будете пить? И кстати, у меня в подвале прекрасная коллекция вин.

Так вот, значит, подо что ушел гараж на три места.

— Нет, не стоит. Если можно, только кофе.

Хозяин пожал плечами, немного разочарованный выбором, но немедленно попятился и исчез за дверью.

— Одну секундочку, сейчас все будет готово, — произнес его голос из коридора. Борис потянулся к столику, выудил из лежащей на нем стопки первый попавшийся журнал и принялся неторопливо перелистывать страницы. И едва закончив чтение, перелистнул последнюю страницу, как услышал странный шум, довольно сильный, донесшийся из коридора. Точно хозяин внезапно включил громогласный пылесос.

Отложив журнал, Борис прислушался. Шум смолк так же неожиданно, как и появился. Послышалось негромкое щелканье, затем, после паузы, приглушенное чертыхание. Новый щелчок. И снова пауза, Борис поежился, вслушиваясь в наступившую тишину.

Страшный грохот разорвал ее. Дом буквально содрогнулся, зазвенели стекла в гостиной, задребезжали витражи на веранде, закачалась широкая, имеющая вид деревянного обода, люстра, с множеством декоративных свечей, висящая на тяжелых цепях под самым потолком.

Борис точно ужаленный, подскочил с дивана, и стремглав метнулся к двери. Рванул на себя.

Никакой реакции. Но ведь именно так хозяин открывал ее, чтобы войти в коридор, да и он сам помнил, по восстановившемуся за последние минуты плану, что все двери, ведущие в гостиную, открываются именно так. Тогда он с усилием толкнул дверь, врезавшись плечом.

И дверь немедля подалась его усилию, с той легкостью, которой Покровский никак не мог ожидать. Секунду в мозгу жила мысль, а не шутка ли все это? Но дверь подалась, и Борис, позабыв обо всем, не удержавшись, стремительно вылетел в коридор.

В коридор? Нет, его не было.

Вцепившись мертвой хваткой в ручку, так, что побелели державшие латунь пальцы, словно ручка была единственным предметом, связующим его с гостиной, Борис испуганно оглядывался, веря и не веря увиденному.

Там, прямо за дверью гостиной находился каменный мешок: комнатка два на два метра с узким, крохотным окошком, оплетенным толстыми прутьями решетки, впившимися в каменную кладку да так и заржавевшими в нем. Камень был старым, очень старым, кое-где из-за высокой влажности, он покрылся омерзительными на вид лохмотьями белесого лишайника, сползавшего со стен, расплывавшимся по камням, словно упавшее на промокательную бумагу чернильное пятно; вот только бумага была почти черной, а пятно грязно-серым. На сыром, с потеками, с полузамерзшими лужицами склизкой влаги, в дальнем углу, лежал куль сгнившей соломы: убогое ложе узника.

Холодный ветер, почуяв сквозняк, подул из крохотного зарешеченного оконца. Лицо Бориса будто омыли ледяной волглой тряпкой: столь влажным, застоявшимся, почти болотным был воздух в этом мешке. И холодным, убийственно холодным, будто за тем окном было не плюс семнадцать, а около нуля. Он поморщился, но не оторвал взгляда от другого, не менее отвратительного зрелища, буквально приковавшего его именно своей непередаваемой мерзостью. От порыва ветра серые тряпки лишайников зашевелились, задрожали, будто щупальца медуз, потянулись в стороны, а затем, почувствовав направление тока воздуха, устремились к нему, к незваному посетителю. И так замерли, чуть подрагивая, и словно бы, даже удлиняясь с каждым дрожаньем своим, ненамного, совсем на чуть-чуть, но удлиняясь, вырастая, близясь.

В этот миг Борис и отшатнулся и, едва не споткнувшись о порог, выскочил в гостиную и попытался закрыть дверь, все еще удерживая зачем-то ручку, находящуюся с внутренней стороны мешка. Дверь подалась с величайшим трудом, будто некто невидимый удерживал ее, препятствуя Покровскому покинуть каменный мешок. Борис рванул сильнее, но и напор усилился, теперь он не мог сдвинуть дверь и на миллиметр.

Хуже того, дверь сама начала двигаться в противоположную сторону мышцы Бориса напряглись, пытаясь удержать ее. Тщетно. Теперь он вынужден был сделать шаг вперед, в каменную клетку, не в силах совладать с дверью, подаваясь ее могучей силе, взявшейся невесть откуда и невесть почему завлекавшей его внутрь.

Он отчаянно сопротивлялся, пытался разжать заледеневшие на латунной ручке пальцы — напрасный труд. Рука намертво вцепилась в ручку двери, и не в силах была теперь разлучиться с нею. Словно и она участвовала в этом жутком представлении на чужой стороне.

Он вздрогнул всем телом, понимая, что еще немного, и силы иссякнут, и дверь просто вбросит его в этот мешок, в то место, что должно быть в каждом замке, но в этом, созданном воображением Бориса, до поры до времени, отсутствовало. А ведь он создавал именно замок, а значит и каменный мешок для неведомых узников просто обязан быть в нем, ведь в замках, могли устраиваться не только гуляния знати, но и….

Дверь тянула его все сильнее, и Борис, подчиняясь давлению, сделал еще один шаг внутрь мешка.

Слизь с потолка капнула Покровскому на ботинок. Он содрогнулся и снова попытался вырваться.

3

— Ах, вот вы где! А я уж, признаться, даже испугался, думал, вы так не дождались меня и сбежали.

Циммерман неожиданно вышел из малой или, как она называлась в плане, кофейной гостиной, держа в руках мельхиоровый поднос с двумя чашками и кофейником. Сахарница, с воткнутой в песок ложечкой, вазочка с каким-то светло-зеленым, наверное, крыжовенным, вареньем, блюдце с печенюшками. Произнеся эти слова, он повернулся, чтобы прикрыть дверь и задернуть портьеру.

Борис вздрогнул, воззрившись на хозяина дома. Дверь немедленно отпустила его руку и с треском захлопнулась, буквально выбив Покровского на середину гостиной. И тут же отворилась вновь. Но уже так, как и было ей положено отворяться, внутрь огромного помещения.

Обычный коридор, оклеенный темно-бордовыми обоями с незатейливым рисунком, предстал его глазам. Борис заглянул внутрь, нет все в порядке, проход уводил в глубь здания, к заднему дворику. Все так, как и положено по плану.

Он опустил глаза, разглядывая ботинок. Капля стремительно таяла, за несколько мгновений, потребовавшихся Циммерману, чтобы подойти к архитектору, она исчезла вовсе.

Иннокентий Давидович поставил поднос на антикварный столик и спокойно разливал кофе по чашкам. Борис пристально смотрел на него, ожидая, когда хозяин заговорит. Его выход из кофейной гостиной порядком удивил Покровского, а совершенно непроницаемое лицо, с которым хозяин дома принялся расставлять на столике посуду, заставило Покровского невольно поежиться. Все это, конечно, не пример тому страху, что преподнесла ему открывшаяся не в ту сторону дверь, но все же. Почему именно оттуда? — хотя малая гостиная и была проходной и соединялась с коридором, ведущим в оба крыла здания, почему Циммерман пошел иным путем, нежели прежде — просто решил сократить путь. Или же предвидел?

— Вы со сливками будете? С сахаром? Подсаживайтесь и кладите сами по вкусу.

На негнущихся ногах Борис подошел к столику. С трудом опустился на отведенное место на диване и снова скосил глаза на дверь. Теперь она снова закрыта, и ничем не выдает тайн, скрывающихся за ней.

— Что… это было? — хрипло пробормотал он, решившись спросить хозяина.

Циммерман поднял голову, отрываясь от кофе.

— Что вы имеете в виду, простите? Шум?

Борис проглотил слюну. И закивал, боясь, что, если он сразу заведет разговор о каменном мешке за дверью, которая должна выводить во внутренний коридор, хозяин посмеется над ним. А так… постепенно,… быть может, ему удастся выведать хотя бы часть ответа.

— Просто дверца в серванте бухнула, и все. Защелка тугая, все не дойдут руки вызвать слесаря и сменить. Сам-то я не силен в таких вещах, а то бы давно собрался…. Да вы меня-то слушайте, а сами пейте кофе, остынет ведь, — он улыбнулся, но Бориса бросило в дрожь. Он уже сам не понимал, отчего.

Голова кружилась. Руки подрагивали, взяв чашку, он едва не расплескал ее содержимое. Надо бы насыпать две ложки сахару, как он любил, но теперь это означало ставить чашку назад, колдовать над сахарницей — и, скорее всего, все рассыпать и разлить к своему стыду и позору перед хозяином.

Покровский сделал глоток, едва не поперхнувшись — столь горяч был кофе. И вздохнул с некоторым облегчением. Живительное тепло стало медленно, неспешно, растекаться по телу, унося холод каменного мешка в область ночных кошмаров. Когда он допил чашку, то почувствовал себя немного лучше. Руки уже не подрагивали, когда он поставил чашку назад, та даже не звякнула о низкий столик.

Мысли улеглись, и обрели почти привычную неторопливость и размеренность. Если он снова подойдет к той двери, вместе с Циммерманом, разумеется, то сможет увериться, что здесь сокрыт некий фокус.

— Еще будете?

— Если вы не против.

— Ну, что вы, как я могу быть против. Напротив, — он улыбнулся собственному каламбуру, — мне будет только приятно.

Интересно, это сам Циммерман устроил, или же все происшедшее с ним несколько минут назад — не более чем разыгравшееся воображение, восторженно принявшее тот факт, что дом, его фантазийный дом, остался почти неизменным, подвал можно не считать, и в восторге принявшееся достраивать его далее. Да нет, хотя его воображение и развито, но все же не настолько… тогда, может быть, галлюциногенный газ?

Борис никак не решался спросить самого хозяина дома, — слишком невозмутимо тот пил кофе, вприкуску с печенюшками, будто и впрямь старательно делал вид, что в его доме все в порядке и ничего невообразимого и произойти не может. Да с какой стати, ведь дом этот делал его нынешний собеседник, сам Борис Покровский. Архитектор горько усмехнулся. Войдя в гостиную, наверное, Иннокентий Давидович удивился странному поведению гостя, сражавшегося с его дверью, но, из уважения к Борису, не придал этому особого значения — мол, все люди творческие по натуре темпераментны, склонны к фантазиям и полет их мысли невозможно постичь и предугадать простому человеку. Со стороны возня Покровского с дверью, наверное, выглядела именно так.

Хозяин сам пришел ему на помощь, неожиданно отставив чашку и вдруг заговорив о том деле, что привело архитектора в построенный им самим замок.

— Знаете, Борис Анатольевич, — начал хозяин, старательно мешая ложечкой остатки кофе в чашке, так что в центре начала образовываться небольшая воронка. — Я вам говорил вскользь, в нашей с вами телефонной беседе, что приобрел этот дом недавно у Самохваловых. Этот особняк им вы строили на заказ.

— Кажется, да, — Борис, занятый своими мыслями, не сразу отреагировал на слова Циммермана. Только потом сообразил, о чем говорит хозяин дома, и вздохнул с облегчением. Возможно, тот и сам не разобрался до конца в огромном доме, возможно и ему приходилось порой сталкиваться в нем с теми же пугающими странностями, которые минутами назад втянули Покровского в свою таинственную игру.

А дом он строил Самохвалову, да, имя всплыло в памяти, немедленно обрастая необходимыми подробностями. С ним беседовал, уговаривая его принять заказ в том виде, в каком создал сам, доказывая, что взгляд архитектора беспристрастно точен в плане угождения его, Самохвалова, требованиям. Дескать, это сейчас заказчик не видит своей мечты, но план на то и план, что разобраться в нем, воссоздав общий вид дома под силу только тренированному человеку, окончившему соответствующее высшее учебное заведение. Самохвалов упирался, заявлял о полном несовпадении взглядов, и предлагал нечто смешное и вздорное, как казалось тогда Борису. Помнится, Покровский, как мог, пытался объяснить, что так не строят, что его предложения неэстетичны, непрактичны и крайне затратны, на что Самохвалов со свойственным ему темпераментом отвечал, что деньги для него не значат многого, и он бухнет в проект — так и сказал, бухнет — столько, сколько он в себя вместит. Упрямца удалось убедить только с помощью его супруги, неожиданно разделившей взгляды Бориса, и своими способами добившейся пересмотра взглядов «главного инвестора». Под двойным давлением Самохвалов уступил.

Покровский вспоминал, что в последние их встречи, подписывая очередной чек, он чему-то презрительно усмехался. С архитектором Самохвалов общался исключительно как с третьим лицом, которое вроде бы и не присутствовало на той встрече.

— Самохваловы разошлись, вы в курсе, разумеется.

— Не совсем, — Борис спохватился, понимая, что слова его прозвучали на редкость неубедительно. — Слышал, но сейчас вспоминается с трудом. Давно? — зачем-то спросил он.

— С год назад, как. Да разве вы не помните? Странно. Дело-то вышло скандальное.

Дело было действительно скандальное, но Борис механически покачал головой.

— Еще бы не скандальное, когда с самой Самохваловой такое случилось. Ну, вы, наверное, помните, она же, — и, понизив голос, — лечилась…. — За этими словами последовала осторожное прикосновение к виску.

Покровский вздрогнул, непонятно, чем более пораженный, бесцеремонностью хозяина, перемывающего чужие косточки, или же своей реакцией на его слова. Хозяин дома внимательно посмотрел на него. И вздохнул, медленно кивая головой.

— Как же, как же, понимаю. Вы весь в творческих планах в полете фантазий, в другом мире. Эти дрязги… они, действительно, не про вас.

— Меня больше интересует ваш дом, — Борис сделал вторую попытку перевести разговор. Как видно, более удачную: Циммерман немедленно расцвел. — Понимаете… только не сочтите меня за…. Просто мне показалось, что в вашем доме что-то не так….

Он замолчал, не зная, как говорить дальше, но хозяин неожиданно поддержал его.

— Вы тоже заметили, да?

— Если вы говорите о коридоре…

— Да нет, при чем здесь коридор, я говорю о доме в целом. Он, в самом деле, странный, что ли. Я, извините, даже не знаю, как мне лучше выразить свои мысли — ситуация больно щекотливая.

Борис подался вперед.

— Так я вас слушаю, — не давая Циммерману закончить, торопливо произнес он.

— Этот дом достался мне от Самохваловых, — повторил хозяин на всякий случай. — Насколько мне известно, глава семьи решил продать его после того, как его компания потерпела значительные убытки от вложения крупных капиталов…. — он остановился, сообразив, что говорит что-то не то. Но Покровский уже догадался, что коммерческие дела Самохвалова интересовали Циммермана не просто так. — Чтобы погасить долги, ему пришлось продать часть своих вложений, в том числе этот дом вместе с обстановкой. Цену он заломил астрономическую. А я, знаете, я грешным делом давно уже мечтал заиметь себе такой вот домик в ближнем Подмосковье — а тут на продажу выставлен эдакий красавец, да еще и великолепный образец вашей работы — ну как не польститься. Двойная удача, можно сказать; я немедля позвонил Самохвалову…

— Простите, вы отвлеклись, — напомнил Борис, пристально разглядывая собеседника.

— Да. Простите, — точно предвкушая десерт, Циммерман заерзал в кресле. — Дом мне достался в состоянии просто идеальном, по всей видимости, в нем жили мало, все больше наездами. Скорее всего, одна жена с прислугой, знаете, чувствуется, если хозяйствует женщина. Хотя замок, ведь вы именно это имели в виду, предназначался суровому охотнику, воителю, настоящему мужчине. А супруг-то как раз редко когда наведывался. Собственно, это обстоятельство… ну вы понимаете, о чем я… и послужило одной из причин их развода.

Борис закрыл глаза: хозяин был невыносимо многословен. Циммерман познакомил Покровского с обстоятельствами развода Самохваловых и неожиданной, по счастью, неудавшейся, попыткой самоубийства супруги главы семьи, через месяц после скандального расторжения брака. Самохвалов вроде как застал ее с посторонним человеком. И безо всякого промедления выгнал, оставив почти без средств. И только затем, тяжело вздыхая, Иннокентий Давидович перешел к делам семейным, невообразимым образом связав одно с другим: поведал, что дочь, не окончившая еще институт, сошлась с каким-то нищим проходимцем. А после этого Циммерман внезапно перескочил к дому.

— Лала здесь бывает чаще моего, обычно на выходные. Она первой стала замечать, что с домом что-то неладное, ну и сказала мне. А я… вскорости и сам убедился.

Борис кивал, слушая краем уха, — дверь в коридор, тихо скрипнув, открылась. Борис вздрогнул, заглядывая внутрь… нет, коридор, обычный коридор, с шелковыми темно-бордовыми обоями и нелепыми дешевыми бра с бледно-салатовыми плафонами на витых золотистых ножках; верно, вечером, вид этого коридора особенно неприятен — сочетание изысканной роскоши ковровой дорожки, картины, повешенной неподалеку от входа в парадную гостиную, и вот этих штампованных бра.

Борис отвернулся, переводя взгляд на продолжавшего нескончаемый монолог Циммермана.

— … то ли сам Самохвалов начудил, то ли его супруга. Взять хотя бы коридор, о котором я говорил. Да в который вы и сами заглядывали, минут десять назад. Слушайте, а вы сами не указывали строителям для шутки какой или по надобности неких устройств в стены вделать? Тайных дверей, открывающихся путем сдвигания какой-нибудь книги в шкафу или чего подобного в том же духе?

Не ожидавший такого вопроса, Борис вздрогнул, в ответ медленно покачал головой.

— Вот как, а знаете, я могу показать вам план, я специально привез его с собой. Там действительно ничего нет, но вот кое-какие намеки, подписи, сделанные вашей рукой, мне показались… простите, несколько странными. Вроде бы вы хотели….

— Но простите, мне куда более странной показалась совсем другая вещь.

Хозяин перебил его. Причем сделал он это столь странным способом, что Покровский невольно вздрогнул, проглотив последние слова, когда Циммерман резко приблизился к нему — лицом к лицу — и свистящим шепотом спросил:

— В коридоре? — при этом заговорщицки кивнув в сторону двери. Они оба словно по команде скосили на открывавшийся за ней коридор глаза. Борис кивнул.

— Да, — произнес он, также переходя на шепот. — Я заметил. Впрочем, лучше давайте вы, вы сами хотели рассказать.

— Конечно, как скажете. Я сам, по порядку, — Иннокентий Давидович снова отстранился, вернувшись в кресло. — Я знал, вы почувствуете. Да иначе и быть не могло. Достаточно просто войти в коридор, чтобы понять, что тут что-то неладно. В стене, с правой стороны, если быть точным. Особенно вам, человеку создавшему это творение. Я как знал, что вы сразу же найдете эту неприятную особенность дома, как знал. Должно быть, во всем виноваты строители. Или сам Самохвалов, говорят, он перестраивал внутреннюю обстановку. Но, с другой стороны, зачем ему это понадобилось совершенно непонятно. Разве что жене насолить хотел — если уже тогда подозревал…

— Так в чем дело? — нетерпеливо спросил Борис. Циммерман вскинул брови.

— Ну, вы же заметили сами. В капитальной стене, она левая, если идти по коридору из гостиной, вы тогда посмотрите сами; так вот, в ней явно простукивается некая пустота. И довольно большая. Значительная я бы сказал, метра полтора квадратных отверстие. То есть натуральный замаскированный люк, вот только как добраться до него, не разрушая коридора, я не представляю. И специалиста одного приглашал, он здесь, в этом доме, на перестройке работал, по моей просьбе переделал гараж на винный погреб, так, уж простите мою вольность, мне показалось точнее, к чему в замке гараж? Если вы хотите, я вам покажу все мои изменения, что я произвел в доме после покупки — их немного, и главное, конечно, гараж, вернее, теперь, винный погреб. Ведь, так логичнее, вы не находите?

Борис невольно кивнул в ответ.

— Вот и я о том же. Посему и позволил такую вольность. А потом попросил того же спеца, что мне переделывал, посмотреть странный дефект в стене коридора. Так, представьте, тот только руками развел. Сказал, что хитро замаскированное отверстие, и без всякой возмож-

ности попасть внутрь, то есть без дверей, просто скрытая дыра в стене, да еще и капитальной. Придется ломать, чтобы добраться, понимаете, ломать, а куда это годится. Вот я и подумал, может, это без вашего ведения Самохвалов устроил себе подобное?

У хозяина дома была одна странная особенность — в изначальном плане дома, набросанном чуть не на коленке Самохваловым, значились толстые стены. Жена сообщила по секрету, что тот боится землетрясений, да и само ощущение толстых, надежных стен дает ему уверенность. При том, что муж никогда не попадал ни во что подобное, откуда могла возникнуть и развиться эта фобия оставалось тайной.

Покровский не спорил. Напротив. Ведь это как нельзя лучше сопрягалось с его идеей замка. Монолита. Твердыни.

— Нет, это, — Борис выдохнул, переживания оставили его. — Эти стены действительно монолитные. Как и положено в замке.

— Даже от вас я подобного не ждал. Вы просто превзошли мои самые смелые ожидания. И даже Лала, она… но вернемся к лазу. К той пустоте, о которой я вам говорил. Значит, в оригинальном плане, как я вас понимаю, ее не предусматривалось вовсе.

Покровский покачал головой.

— Нет. Была задумка, но… я не решился. И потом, что может находится за лазом, какая-то… камера пыток, — голос сломался на последнем слове. Борис взял себя в руки.

— Да за лазом может быть все, что угодно. Тот специалист просмотрел план, все простукал, и так мне откровенно и сказал. Вот мне и было бы интересно узнать от вас, как от создателя всего этого, — он обвел руками дом, видимо, не подобрав слов.

— В плане ничего подобного не было. Я вас могу уверить. Но я… дело в том, что я никогда не слежу за ходом работ, тут и без меня всегда хватает начальников. Возможно, мне следовало бы хоть раз приехать, взглянуть на ход строительства.

Циммерман пожал плечами.

— Не знаю, мне кажется, это уже Самохвалов от себя мог согласовать с прорабом. Ведь такое возможно, правда?

— Да. Разумеется, — Борис кивнул, занятый, впрочем, своими мыслями. — Только к чему ему эти…. — и замолчал на полуслове, вспомнив последнюю свою встречу с заказчиком. — Разве что мне досадить. Или скорее, супруге. Вы же говорите, он застукал ее… — произнес Борис и прервался на полуслове.

Самохвалов очень рассчитывал застукать супругу с архитектором, только так можно было истолковать его взгляды и его разговор во время последней встречи. Возможно, он считал, что они давно связаны, собственно, ради чего еще молодая женщина, почти девушка, прежде во всем слушавшаяся своего владыку и повелителя, вытащившую ее с конкурса красавиц и одарившего по-царски своим вниманием и своим влиянием, вдруг с таким упорством стала бы возражать и настаивать на проекте Покровского? По здравому размышлению, разве не может здесь быть самого простого, элементарного адюльтера за спиной влиятельного, но уже пережившего молодость, супруга.

— Отверстие глубокое? — спросил Покровский, пытаясь замять нежданно возникшую паузу.

— Он померил и сообщил, там за лазом, может находиться некий мешок, объемом кубометров пять. Эдакое крохотное местечко, откуда можно наблюдать за чем-то, или кем-то. Правда, почему лаз из него выходит в коридор, а не, скажем, в малую гостиную, совершенно непонятно. И почему обрывается, так и не дойдя, тоже неясно.

Он немедленно поднялся из кресла.

— Если вы не возражаете, пойдемте, осмотрим вместе коридор.

И сделав шаг, замер в ожидании Бориса. Тот поднялся, но откровенно медлил, содрогнувшись от одной мысли, что дверь откроется *не в ту сторону*. Наконец, поборов свою нерешительность и побуждаемый к действию решимостью хозяина, прошел к двери.

— Кстати, — Борис остановился, когда Иннокентий Давидович был у самой двери. Циммерман стремительно оглянулся, не понимая, в чем задержка. — Необычный вопрос. Даже не знаю, как лучше сформулировать…. Ну скажем так: вам когда-нибудь приходилось открывать эту дверь и обнаруживать за ней… — дрожь все равно волной пробежала по его телу, — скажем так, не то, что обычно?

Молчание. Довольно долгое. За это время Иннокентий Давидович внимательно изучил архитектора, пытаясь понять, о чем тот говорит, и наконец, мелко разведя руками, произнес:

— Простите… я не совсем понимаю, о чем вы говорите.

Бесполезно. Покровский махнул рукой.

— Нет, я так… Ничего, в самом деле, ничего. Идемте.

— Как скажете, но вы…

— Да нет же, идемте.

Хозяин проворно устремился в коридор, он заспешил так, что замешкавшийся после неудачной попытки начать важный для него разговор Борис сразу же оказался отделенным от Иннокентия Давидовича несколькими шагами пространства. Дверь, которую только что прошел хозяин, начала закрываться за его спиной. Медленно, величаво закрывая дорогу. Покровский бросился к ней, уже презрев нормы этикета, просто бегом, выставив вперед руки, чтобы поймать ее в самое последнее мгновение.

4

Не успел. Дверь презрительно щелкнула замком в каких-то сантиметрах от вытянутой руки Покровского. Ему показалось, что перед этим она немного ускорила свое движение — вслед за тем, как ускорился сам Борис, стремясь не дать ей закрыться. Словно они играли вперегонки, кто кого — и Борис проиграл.

И весть об этом проигрыше немедленно облетела весь дом: дверь захлопнулась с таким грохотом, что содрогнулись стены. И дрожь дома прошла сквозь тело самого Покровского, у которого зазвенело в ушах от этой немыслимого по силе звука, большая часть мощи которого находилась вне пределов диапазона человеческого слуха.

Не теряя ни секунды, Покровский рванул дверь на себя. Открыл ставшую привычно тугой и непослушной дверь и настороженно заглянул внутрь.

Ничего.

Коридор, как и прежде, уводил в глубь здания, освещаемый светом, падавшим из открытых дверей пустых комнат и высоких стрельчатых окон самой парадной гостиной, вырисовывая в полутьме знакомые предметы интерьера. Аляповатые штампованные бра с зелеными плафонами, картину, висевшую меж ними, антикварную тонконогую, немного пузатую тумбочку светлого дерева, стоявшую под самой картиной. И открыв дверь пошире, чтобы свет проник внутрь и высветил картину, висевшую над тумбой, вошел в коридор — наверное, так же неопытный ныряльщик с аквалангом впервые бросается в подводный мир, с замиранием сердца и невольно задерживая дыхание, хотя и дышит через кислородную трубку в маске.

Картина заинтересовала его с того самого момента, как Борис впервые увидел ее. Так что, выйдя из парадной гостиной, Покровский первым делом подошел к ней, сделав три неуверенных шага вдоль по коридору и помимо воли, оглянувшись назад.

Дверь не закрывалась, она осталась в точно таком же положении, как Борис открыл ее, и не думая сдвигаться с места. За ней, как и полагалось, была видна только что покинутая парадная гостиная: диван, низенький столик с подносом, кофейными чашками, сахарницей и прочим, и придвинутое к столику кресло, стоявшее аккурат против дивана.

Он отвернулся и принялся разглядывать полотно.

Небольшая, метр на полтора, картина в затейливой багетной раме, изображала довольно странный сюжет. Крепостная стена, нарисованная в центральной части, уходила ввысь, утверждаясь мощной кладкой. Примерно в середине этого уходящего в небо нагромождения плотно подогнанных каменных блоков, находилась тайная дверца, в данный момент открытая. Трое бородатых мужчин в античных костюмах застыли в напряженных позах, захваченные погоней: один уже вбегал в распахнутую потайную дверь, чем-то похожую на ту, что миновал Борис мгновением назад, но только немного ниже и уже. Двое других преследовали беглеца буквально по пятам. Вбегавший в дверь, оглядывался на преследователей, лицо его выражало беспредельное отчаяние, смешанное с чем-то, сродни презрения — не то к их числу, не то к их оружию — коротким мечам, схожим с теми, которыми греки штурмовали Трою, и доспехам — тяжелым панцирям и круглым красным щитам, прикрывавшим их тела. Сам же преследуемый был безоружен, свой панцирь он, верно, бросил, чтобы тот не мешал стремительному бегу, и теперь, врываясь в узкую дверь, он оставался лишь в тунике да в поножах и наручах, снять которые и тем самым еще облегчить свою амуницию, у него уже не было времени.

Над преследовавшими мужчинами зависла крылатая богиня в кисейных одеждах с обнаженной грудью — словно срисованная с картины Делакруа «Свобода на баррикадах»; в точности тем же жестом, что и у французского художника, призывала богиня догнать и покарать прячущегося за дверью мужчину, и воины, глядя то на нее, то на убегавшего, ускоряли, насколько

возможно, бег, пытаясь изловить беглеца. Возможно, им это и удастся, подумал Борис, склонившись к правому углу и пытаясь разобрать подпись под картиной.

Картина принадлежала кисти Мантеньи. И где Иннокентий Давидович достает эти шедевры?

Да, Иннокентий Давидович, что же это он…. Борис резко поднял голову, поворачиваясь от картины.

Пожалуй, он разглядывал странное творение Мантеньи несколько дольше, чем планировал: шаги Циммермана, которые он еще слышал, сунув голову — точно в омут — в пространство коридора, теперь затихли совершенно. Возможно, хозяин ждал его за первым же поворотом, именно там, где у капитальной стены коридора, и находилось обнаруженное им странное отверстие, замаскированное в стене. Оторвавшись от картины, Покровский поспешил вперед.

И в ту же секунду услышал нечто странное. Борис замер, вслушиваясь. Повернуться назад и посмотреть на дверь он все никак не решался.

Где-то позади него хлопнула негромко дверь, верно, входная, на веранде, затем еще одна, в коридорчик, еще — ведущая уже в гостиную. Он продолжал слушать, не понимая, почему делает это, почему стоит на месте и, хотя бы не позовет хозяина, к которому, и пришли, вернее, прибежали гости. Покровский услышал глухой топот нескольких пар ног, обутых во что-то тяжелое, сильно громыхавших по паркетным плитам парадной гостиной. И еще он услышал тяжелое дыхание уставших людей, тем не менее, продолжавших бег за какой-то одной им известной целью.

Борис стоял неподалеку от первого поворота. Теперь он позволил себе обернуться на дверь и ждал. Сейчас эти люди должны были пересечь гостиную и, судя по все приближающемуся звуку шагов, войти в коридор. Дверь, верно от сквозняка, медленно начала закрываться — еще, когда открылась входная дверь. Как только шаги послышались в парадной гостиной, дверь величаво закрылась, мягко щелкнув замком в тот самый момент, когда люди должны были появиться в видимой из коридора части гостиной — так что разглядеть их Покровский не смог. Ему слышались только шаги, быстрые, все приближающиеся.

А спустя несколько секунд ручка двери бешено завертелась. Кто-то дергал дверь то на себя, то к себе, пытаясь отворить. Но по странному стечению обстоятельств ему этого никак не удавалось, словно дверь решила проделать и с вбежавшими в дом ту же самую шутку, что совсем недавно совершила над Борисом.

Тяжелое дыхание бежавших стало столь явственно слышно, что Борис уже мог сосчитать количество стоящих за дверью людей. Двое. Не больше и не меньше — двое.

Покровский торопливо оглянулся за угол коридора.

— Иннокентий Давидович? — робко позвал он.

Секундная пауза. Все смолкло, но только для того, чтобы начаться заново.

За дверью послышался короткий смешок, затем кто-то из находившихся там, в гостиной прочистил горло. И тут же до его слуха донесся протяжный звон металла — это напомнило ему что-то… что-то странное, непонятное, но по какой-то неведомой причине ему слишком хорошо знакомое.

С таким звуком обыкновенно достают короткий, острый, как бритва, меч из ножен.

Почему он догадался об этом, Борис не знал. Но понял сразу же, едва услышал этот протяжный звук. И немедленно вслед за этим ему пришло понимание того, что надлежит делать, и как быстро.

Но даже по прошествии нескольких беззвучных мгновений — когда, вынув из ножен меч, кто-то из находившихся за дверью, замахивался им для удара, — Покровский по-прежнему стоял, одеревенев, не в силах сдвинуться с места. Он, застигнутый врасплох, тем не менее, пытался собраться с мыслями, ожидая почти естественной развязки этого безумного действа, развертывавшегося всего в нескольких метрах позади него.

И с изумлением с поразительным стоицизмом, воистину, достойного лучшего применения, наблюдал за тем, как грохнул меч, вонзаясь в жидкое дерево, как из двери во все стороны брызгами полетели опилки, и как в нескольких сантиметрах от замк*а* показалось узкое лезвие меча, самый краешек, мгновенно, как появившееся, снова исчезнувшее. Новый удар, чуть пониже, и меч вошел в дерево на половину лезвия, сопровождаемый пронзительным скрипом раскалываемой доски. Снова исчез — так чего же он ждет, наконец! — и тишина, последовавшая за исчезновением этим, долгая прозрачная тишина, буквально перевернула его.

Новый удар — из верхней части двери выпал огромный кусок, с шумом упавший на ковер; дверь закачалась на петлях и начала медленно открываться. Меч убрался, но только затем, чтобы появиться снова, расширяя проем.

Следующий удар станет последним. Покровский увидел меч, медленно, словно во сне, возносимый над искореженной дверью, увидел обнаженную руку, державшую этот меч. Лезвие вознеслось в воздух, замерло на несколько бесконечно долгих мгновений, а затем стало падать, да, именно падать на дверь, в последнем своем ударе, точно на зам*о*к, будто он единственный, кто мог удержать пока еще в гостиной людей от того, чтобы ворваться в коридор, продолжив свое наступление.

Промедление истекло. Он страх *увидеть* неведомых преследователей нежданно придал ему сил, которых Борис был лишен, разглядывая, словно кролик, загипнотизированный удавом, лезвие меча, входившего в дверь практически без сопротивления.

Более он не раздумывал ни секунды. Словно пробудившись ото сна, Борис вздрогнул, стоило мечу в последний раз войти в соприкосновение с дверью: послышался визг металла, сошедшегося в неравной схватке с лезвием меча — или это взвизгнул он сам, срываясь с места и бросаясь по коридору дальше, что было сил, к развилке, а затем, глянув загнанным зверем по сторонам, свернул в сторону кухни, направляясь к дальнему выходу из жуткого здания, столь охотно принявшего в себя неведомых пришлецов.

5

И в тот же миг, свернув, следуя изгибу разветвившегося в обе стороны коридора, столкнулся с Иннокентием Давидовичем, терпеливо поджидавшим Покровского прямо за поворотом.

Циммерман даже не взглянул на него. Просто произнес, показывая пальцем на стену.

— Вот здесь все это и находится, в этой части, — при этом хозяин обвел круговым движением довольно значительную часть стены. — Я имею в виду сам проем. А что касается лаза, то мы его прошли. И вот что я думаю по этому поводу. Либо это строительная недоделка, либо непосредственное пожелание самого бывшего хозяина дома. Третьего не дано.

Борис, не слушая, судорожно обернулся.

В доме стояла тишина.

Ни скрипов и стонов ломаемой двери, ни хруста выдираемого из доски меча, ни звука торопливых шагов тех двоих, наконец, справившихся с нежданно вставшим на пути препятствием, ни мелодичного позванивания пластин панциря в такт стремительным шагам, вновь приближающим их к Покровскому, приближающим неумолимо, неотвратимо…. Все стихло.

Растаяло, испарилось, замерло.

Борис не решался выглянуть за угол коридора. Стоял рядом с Циммерманом, так, чтобы при случае мгновенно последовать по коридору дальше, оставив хозяина дома наедине с непрошенными гостями. Поглядывал то на угол, то на Иннокентия Давидовича, который, не обращая внимания на архитектора, неспешно продолжал развивать свою мысль:

— Решительно. это причуда Самохвалова. Он, сколько я его помню, горазд на всякого рода неожиданности и порой довольно неприятные, особенно это касалось его работы и тех, кто волею судеб, как, скажем, я вынужден работать с ним. Шутки у него всегда, скажем так, оригинальные. Он и не был каким-то отъявленным чудаком, а, при всем при этом мог действительно учудить что-то… порой не слишком веселое, но, впрочем, его-то как раз забавлявшее. Так что трудно сомневаться, что все это — его рук дело, вот только с какой целью сделано, и для кого и на кого рассчитано — еще вопрос.

Казалось, Циммерман действительно не замечает происходящего в его доме, сосредоточившись на какой-то пустяковине. Не вызывает сомнения, что хозяин дома не слышал ни грохота, с коим неизвестные разламывали дверь, ни визга стали, ударившей о сталь, ни быстрого топота ног. Не удивился и поспешному появлению самого архитектора, особо к Покровскому и не присматриваясь и не замечая во время своего монолога ни выражения его белого, как рубашка, лица Бориса, ни загнанных глаз, непрерывно шарящих по углам и заглядывающим хозяину дома за спину, ни его хриплого дыхания, ни упорного молчания, ни резких поворотов головы, в попытках посмотреть в самую даль коридора, уводящего в правое, хозяйское, крыло замка. Иннокентий Давидович был поразительно, стоически спокоен, он рассказывал, нет, скорее, повествовал, не обращая внимания ни на что, кроме своей речи; казалось, разверзнись сейчас небеса, а Циммерман по-прежнему будет выдвигать версии появления в стене коридора потайного лаза. А все прочее — шумы, грохоты, и явное беспокойство по этому поводу его слушателя, его не волновало вообще.

А Борис боялся, действительно боялся заглянуть туда, и снова увидеть…. Вот только увидеть что: разломанную дверь или дверь невредимую было страшнее для него — он никак не мог определить и потому, всякий раз повертывая назад голову, проверял лишь, не видны ли еще те двое с мечами, не близятся ли они.

Но те двое все никак не показывались. Прошло уже немало минут, как Покровский встретился с Иннокентием Давидовичем, более чем достаточно времени для того, чтобы преодолеть те метры, что отделяли ныне его гостиной.

Наконец, он не выдержал и глянул.

И отпрянув, выглянул опять, едва не оступившись на мягком ковре, готовый, в случае необходимости, отбросить все условности и обратиться в прежнее, состояние — человека, напрочь потерявшего почву под ногами. Не веря тому, что созерцали его глаза, не веря ничему, что происходило, что происходит с ним здесь. И все же вглядываясь в глубь коридора, упрямо ища следы минутной давности происшествия, с такой поспешностью загнавшего его сюда.

Покровский смотрел в конец коридора, на полуприкрытую дверь, совсем не изменившуюся с момента появления архитектора в этом удивительном, странном доме, смотрел с усиливающимся беспокойством, которому теперь не было объяснения. И от этого оно, беспокойство, лишь умножалось, переходя постепенно в слепой, все подавляющий ужас, медленными волнами поднимающийся от сердца к голове, уже готовый одним легким движением, вздохом затопить сознание, заставив снова бежать туда, где, как кажется, должно находиться безопасное место. Хотя единственным безопасным местом в замке может быть только выход из него. Если в противоположном конце здания, есть выход. Если он — Покровский невольно вздрогнул от этой мысли — не исчез, перестроенный Самохваловым или самим Циммерманом, посчитавшим, как и положено человеку, уважающему чужие фантазии, что у замка, настоящего замка, должен быть лишь один вход и один, соответственно, выход — через дверь в парадной гостиной.

Коридор, который сейчас обозревал Покровский, не думал меняться под действием пришедшей извне силы — та же картина Мантеньи, те же штампованные светильники. И дверь, полуоткрытая, обманчиво притягивающая совершить путешествие в обратном направлении. Целая и невредимая, без единой царапины, открывавшая полосу света, в которую видно было высокое стрельчатое окно, залитое светом яркого, августовского послеполудня. Словно все, что произошло минутами назад, случилось лишь в усталом мозгу архитектора, перегруженном долгой работой над новым проектом и, вот теперь еще — бесконечными в своем однообразии монологами хозяина дома.

— Вот я и думаю, Борис Анатольевич, мне стоит спросить вашего мнения: вскрывать стену или оставить все, как есть?

— Да, — Борис очнулся, оглядываясь на хозяина дома. В глазах того стоял вопрос, которого архитектор не слышал. Циммерман помялся и спросил снова:

— Простите, я не совсем понял. Что вы хотите сказать… открывать, я правильно понял?

Циммерман смотрел на него выжидающе, а Борис пристально разглядывал хозяина дома, не зная, что сказать тому в ответ. Не зная, как поступать, если Иннокентий Давидович снова исчезнет за углом, а он начнет слышать… все тоже, или что-то иное. Не зная, как рассказать ни о чем не подозревающему Циммерману, обо всем, что произошло с ним — Покровский взглянул на часы, висевшие на углу коридора — всего-навсего за какие-то двадцать минут пребывания в доме его мечты, его собственной мечты, единственном доме, где она стала реальностью.

Покровский поежился. Ужели это был сон разума? Ужели, рисуя по памяти дом, привидевшийся ему во сне, он что-то позабыл, или перепутал и теперь…. Нет, бред, конечно, бред…. Как и все вокруг него в этом невозможном доме.

Циммерман ждал его ответа, Борис это чувствовал и попытался сосредоточиться.

— Знаете… пожалуй… мне кажется, — проговорил он, делая долгие паузы между словами. Сердце, все еще неистово колотившееся, не давало говорить быстрее. Впрочем, сам хозяин дома пришел ему на помощь, видя замешательство гостя.

— Впрочем, это не столь уж и важно. Но сами понимаете…. Кстати, не хотите ли взглянуть на лаз — у меня осталась распечатка показаний сонара, сделанная тем специалистом. Да… пойдемте, я вам покажу и само место, где этот лаз находится. Я его даже отметил, карандашиком, так на всякий случай. Ну, вы понимаете, чтоб не искать потом….

Борис кивнул и тут же спохватившись, отрицательно покачал головой, боясь как бы Циммерман не оставил вновь его одного — наедине с домом — но опасения оказались напрасными. Распечатка возникла перед его глазами мгновенно, Покровский не успел даже понять, откуда ее извлек Иннокентий Давидович, взмах руки и он протягивал лист архитектору, словно заправский престидижитатор. Лист бумаги не был помят, словно до этого момента его держали все время в папке и только сейчас извлекли на свет.

И тут же Циммерман увлек его в коридор. Борис внутренне сжался, но заставил себя идти. Несколько шагов — они на месте.

— Вот моя карандашная мета. Видите? Она как раз в середине лаза, судя по всему вам в него заглядывать было бы удобнее, нежели мне. Хотя неизвестно, на какой высоте находится пол в каменном мешке, возможно выше или ниже. Ведь и такое возможно, не так ли, Борис Анатольевич?

Тот торопливо кивнул, изучая мету, сделанную на обоях. Ничего необычного, простой крестик, находящийся примерно на уровне носа Покровского. Действительно, отсюда удобно смотреть через лаз за тем, что делается в самом мешке. Но только архитектору, — для того, чтобы заглянуть в мешок, Циммерману пришлось бы встать на цыпочки. Вторая мета, карандашная черта, расположенная в двух десятках сантиметров под крестиком, очевидно, изображала границу лаза.

— Вам все хорошо видно. Или я включу свет?

— Нет-нет, не стоит. Я все увидел.

И снова краем глаза взглянул на предательски полуоткрытую дверь.

Циммерман вложил в руку архитектора лист бумаги с эхограммой. Ткнул пальцем в чернильное изображение.

— Взгляните, здесь ясно видно, что лаз довольно глубокий.

— Да, я вижу.

— Жаль, я не попросил его исследовать полость полностью, только так, поверхностно. Я куда-то спешил, он тоже торопился закончить с моим гаражом… то есть, уже винным погребом. Хорошо хоть догадался сохранить распечатку. Как видите, это удачно спроецированное трехмерное изображение лаза.

— Да, разумеется.

— Тут масштаб. Глубина порядка полуметра. А за ним находится тот самый каменный мешок, о котором я уже вам говаривал. Жаль, точных размеров, как я уже сказал, мы не успели установить.

— Благодарю, я вижу.

— Единственное, что можно сказать определенно — в глубину мешок не превышает полутора метров, или чуть меньше. То есть вместе с лазом, стена содержит в себе помещение глубиной около двух метров. Можете себе представить. Хотя в таком доме, еще и так построенным… хитро, если позволите… трудно на глаз оценить отсутствие даже такого пространства. Только дочь — у нее глаз зорче моего, — только она и заметила.

Борис не поднимая головы, кивнул, пристально разглядывая снимок. Стараясь при этом не заглядываться на дверь. Иннокентий Давидович произнес еще несколько ничего не значащих фраз и замолчал тоже, наблюдая за архитектором. Ожидая от него ответа или какого-то знака…. Борис старался сосредоточиться на снимке.

Изображение было и в самом деле, трехмерным, нет, не снимок уже, а нечто, сродни аляповатой черно-белой голограмме, вполне реальное изображение лаза, так же вполне реально существующего, если приглядеться, то чуть заметно углубляющегося в бумагу. И кажется, так же ненамного, выходящее из нее.

Борис повернул лист, и изображение на нем столь же послушно сменило проекцию отобразившись по иному, послушно следуя за движением его головы. Свободной рукой он провел по мелованному листу бумаги пальцами.

Легкое покалывание, когда палец проходил сквозь грань нарисованного эхолотом изображения. Нисколько не болезненно, скорее даже приятно. Борис провел еще раз, а затем резко отдернул руку, вырывая пальцы из самой середины темного лаза.

Но обретший объем чертеж нисколько не изменился, если Покровский и надеялся, что этим движением нарушит иллюзию, то старания его пропали втуне — созданное изображение лаза, уходившего внутрь бумаги так, что проваливались пальцы, осталось прежним. Насколько глубоко? — не выдержав, Борис осторожно запустил в глубь листа указательный палец. Не встречая малейшего сопротивления, тот прошел сквозь бумагу, но с обратной стороны не показался, просто провалился в нарисованный лаз. А следом за ним, по инерции в лаз ушла и ладонь.

И только тогда вся кисть очутилась в изображении, палец встретил легкое сопротивление. То самое, что бывает от соприкосновения с мелованной бумагой. Борис поводил пальцем из стороны в сторону и почувствовав неожиданный холод в кисти, выдернул его.

Палец был мокр, словно бумага, в той части, на которой находилось изображение лаза, пропиталось водой. Нет не водой, он с недоумением, мешавшимся все более со страхом, разглядывал его.

На пальце была слизь, стремительно испарявшаяся.

Борис вскрикнул, бумажный лист выпал из разжавшихся пальцев, подраненной птицей скользнул на пол. Циммерман проворно опустился, поднял рисунок. И в то же мгновение он исчез — исчез столь же неожиданно и так же в никуда, как и появился.

— Что случилось?

А что ему было сказать? Хозяин дома стоял рядом, искоса наблюдая за его действиями, за его внешне кажущимися удивительными фокусами, что он проделывал с листом бумаги. И он еще спрашивал, что случилось, словно глаза Иннокентия Давидовича видели совсем иное, нежели та же пара глаз, принадлежавшая архитектору. Словно шла некая игра, но Иннокентий Давидович отчего-то не принимал в ней участия, даже не являлся наблюдателем.

А может быть, действительно, дому чем-то не нравится тот, кто создал его из небытия, из иллюзии, пришедшей ему во время ночного сна, воплотив явившуюся фантазию сперва на бумагу, а затем…. Может, он и вправду неверно ее воплотил, где-то ошибся, когда торопливо воспроизводил на листе бумаги, вынырнув из сна, в котором замок предстал перед ним во всем своем великолепии.

Которое, быть может, лишь отчасти воплотилось в первых эскизах, растворилось в проекциях дома и окончательно исчезло на готовых чертежах, согласованных с Самохваловым….

Покровский почувствовал, что находится на грани истерики. Единственная мысль занимала его теперь — что бы в усадьбе не происходило, но покинуть ее надо как можно скорее. И незачем долее испытывать судьбу, и разыгрывать из себя эдакого первооткрывателя собственной фантазии. К тому же еще, как выясняется, дважды перестроенной — а, может быть, из-за этого….

Надо уходить и немедленно.

Покровский решительно помотал головой и произнес, стараясь, чтобы голос не выдал его:

— Нет, ничего. Бумага твердая, кажется, я поцарапался о край.

— Я принесу йод…

— Благодарю, не стоит, не до крови.

— И все же…

— Нет не надо!… Знаете, я бы хотел взглянуть на дом снаружи. Вы позволите?

— О, конечно же. Одно только: позвольте спросить, зачем вам…. О, я понял. У вас, верно, возникла какая-то идея?

— Да, есть кое-что. Только…. Вы… не могли бы проводить меня. Я боюсь, что не смогу найти дорогу к окну, — как-то нелепо выразил свои страхи Борис. И с этими словами он сделал несколько шагов, доходя до развилки, и кивнул в сторону невысокого стрельчатого окошка, расположенного в том месте, где коридор выходил к внешней стене дома и далее стремился к комнатам, расположенным в задней части огромного строения. Через два окошка он снова поворачивал, упираясь в стену столовой, за которой следовала анфиладой кухня, комнаты прислуги….

Циммерман был искренне удивлен.

— Не вы ли создатель этой усадьбы? — обиженно проговорил он, продвигаясь до угла вослед архитектору. — Пускай я немного изменил дизайн помещений, убрал гараж, заменив его винным погребом, но во всем остальном дом остался прежним домом — разве вы не заметили, что ни я, ни Самохвалов не притронулись к его облику, оставив все, как было вами задумано? Это вот снаружи, да, снаружи немного все заросло. Парк, разбитый Самохваловым, запущен, но во всем остальном… простите, ваш дом — есть ваш дом.

— Да, я понимаю, — вполголоса произнес Борис, не глядя на хозяина дома. Циммерман тем временем прошел до двери, ведущей в кофейную гостиную, и остановился.

— Знаете, — произнес он вполоборота, — я лучше подойду, открою окно и постою, чтобы вы могли быстрее найти нужное место. Право же, это не займет у вас более нескольких минут, при ваших-то молодых ногах. В крайнем случае, я могу и покричать.

Циммерман допустил вежливую издевку над архитектором. Борис сжал губы, но кивнул.

— Хорошо, — голос его дрогнул, но Покровский держал страх в руках. Нет, значит, нет. Борис попытался выдавить на лице дружескую улыбку — не получилось, нерешительно повернулся к хозяину дома спиной, снова обернулся, словно проверяя, не исчез ли еще Циммерман. И только после этого медленно, словно к каждой ноге была прикована полуторапудовая гиря, поплелся обратно, по знакомому коридору.

Несколько шагов — и Циммерман исчез из виду. Сердце предательски подпрыгнуло в груди, пропустило удар и забилось чаще.

Борис вынужден был остановиться и вглядываясь в даль коридора, спешил себя успокоить.

— Все в порядке, — бормотал он наподобие некой мантры, разглядывая дверь гостиной, нарочно приоткрытую на пару вершков, будто приглашающую открыть ее настежь. А затем — уже по собственному дверному разумению, — пропустить его или показать новый, доселе им не виданный фокус.

Борис обернулся и сделав несколько шагов назад, проверил Циммермана. Тот, как и было обещано, стоял у раскрытого настежь окна, и всматривался в угол здания, ожидая скорого появления среди некошеной травы самого архитектора. На шум шагов позади себя он не обратил внимания, видимо не слышал, как Борис вернулся для проверки, все ждал его появления перед окном на лужайке.

Покровский развернулся и быстрым шагом пошел обратно. Его шаги, невзирая на расстеленные кругом ковры, гулким эхом разносились из конца в конец коридора. Совсем как в тот раз, когда в дверь… только в этот раз дверь….

Покровский почувствовал на щеке несильное дуновение ветерка. Должно быть, небольшой сквозняк от открытого хозяином дома окна, пытался убедить он себя, не веря ни в какое объяснение, кроме одного, уж слишком очевидного. Ветерок усилился, начал поигрывать с его волосами. Дверь плавно, и при этом совершенно бесшумно стала открываться при его приближении. И неожиданно — вернее, почти ожидаемо, — рванулась назад, когда до ручки оставалось менее метра.

6

Борис окаменел, ноги сделались ватными. Дверь глухо бухнула о косяк. Металлический язык, казалось совсем недавно раскуроченный ударами меча, с холодным звоном вошел в отверстие, отрезая путь в гостиную.

По прошествии бесконечно долгих секунд рука Покровского коснулась ручки двери. Нерешительно подергала ее.

Та подалась, как ни в чем не бывало. Дверь легко распахнулась, пропуская архитектора в парадную гостиную. На журнальном столике стоял поднос с позабытым, давно остывшим кофе, вазочками с печеньями и крыжовенным вареньем и закрытой сахарницей.

Идиллическая картина. Одна она как нельзя лучше успокоила Бориса. Он хмыкнул, облегченно вздохнув, и подошел к дивану. Взял одну из печенюшек и с удовольствием прожевал. Потянулся за следующей.

Самое простое и самое естественное объяснение уже приходило на ум — насчет выделявшегося галлюциногенного газа: что-то не учли при строительстве дома, какой-то особенный уклад почвы в этом месте — возможно древний могильник — и вот результат. К тому же концентрация газа весьма слаба, на одних она не действует вовсе, другие же натуры творческие и одержимые обыкновенно всяческими идеями — Борис усмехнулся своим мыслям — ощущают его действие в полном объеме и от этого, естественно страдают. Особенно по той простой причине, что этот дом, действительно уникален. По крайней мере, для самого архитектора.

Что греха таить, этот замок, лучше сказать, *его дом,* своему появлению обязан сговору Бориса с женой Самохвалова и последовавшей вслед за сговором одновременной атаке с двух сторон на держателя инвестиций. Некоторое время после удачно проведенной сделки его мучили кошмары на тему строительства — чего прежде, никогда не было. Наверное, некстати заговорила совесть.

Хотя это было давно, сравнительно давно по меркам сумасшедшего нашего времени, но, верно, и по сей день Покровского мучает совесть, теперь уже перешедшая в подсознание, и оттуда совершавшая свои поползновения в разум и душу. И результат — вот он, перед его глазами. Все эти странные галлюцинации, видения, посещающие Покровского за все время пребывания в доме, и то напоминающие о каменном мешке, в действительности долженствующим быть в каждом приличном замке, то о развешанных повсюду картинах итальянского Возрождения, оживающих и пытающихся поквитаться с архитектором. Коммерсантам подобное не видится, они и должны быть людьми, к мистике невосприимчивыми, профессия обязывает относиться ко всему с долей здорового скепсиса.

Значит, теперь в его рассуждениях все получается замечательно просто. Циммерман открыл окно, создав сквозняк в коридоре — последствие не замедлило сказаться. Газ выветрился в считанные секунды, и Борис прошел коридором, которого прежде пугался точно страшного суда, безо всяких потрясений. И спокойно добрался до гостиной.

Неожиданно ему снова вспомнился последний разговор с четой Самохваловых. Жена сидела на диване рядом с архитектором, сам заказчик напротив них обоих. Тогда глава семьи поинтересовался, как бы, между прочим, и вроде бы у своей супруги, во что выльется эта затея с постройкой «усадьбы-которой-ни-у-кого-нет-и-не-будет»? Нет, дело было не в деньгах, он спрашивал о фантазиях Покровского. Борис вынужден был отчитываться перед ним за неприкосновенность идеи замка, услужливо предоставляя планы и сметы, на которые смотрели свысока, уже по тому только, что будущий владелец составил собственное мнение по этому поводу, в целом достаточно логичное мнение. И с небрежностью, достойной лучшего применения, Самохвалов то бравировал своими выводами, в неторопливом разговоре с бледной, как

призрак, супругой, то вновь прячась под маску безразличия, небрежно набрасываемую на лицо, когда он заговаривал с архитектором, упоминая всякий раз его в третьем лице.

Самохвалов курил во время разговора, и, высказав эти слова насчет будущего дома, выпустил поверх головы некурящего Бориса струйку табачного дыма, поглядывая на жену. Та сидела, безмолвно глядя в пол, ни разу за время разговора не поднимая глаз. Тогда Покровский со злостью, с внутренним кипением думал, откуда все это у человека, десяток лет назад работавшего простым заместителем директора одной из железных дорог, а ныне превратившегося, точно по взмаху волшебной палочки, в нувориша, не знающего счета деньгам, да и не желающего учиться их считать. Уверовавшего в силу обретенного невесть каким путем состояния и думающего, что на эти деньги он способен обрести практически все. И он покупал: туристические компании, пивные заводы, хлебокомбинаты, фрахтовал корабли для собственных нужд и нужд своих компаний, приобретал в разных странах роскошные апартаменты, яхты, самолеты, наконец, красавицу жену, бывшую мисс какого-то города. Теперь вот одного из самых дорогих архитекторов, которого можно быстро найти для выполнения прихоти. Между последними, как он всякий раз жестом и взглядом, с непробиваемой уверенностью утверждал в паузах между небрежными фразами, вполне могло быть что-то эдакое, пикантное, пахнущее дорогим, как духи супруги, скандалом. Поводом расстаться, с неуступчивым зодчим, с взбрыкнувшей женой, кажется, уже поднадоевшей своему господину и повелителю.

Самохвалов напрасно подозревал их, Бориса вряд ли что интересовало больше, чем его работа. Он уже привык к своему одиночеству, к тому образу жизни, что вел последние десять лет. Его секретарем был карманный компьютер, напоминавший обо всех делах заблаговременно, или секретарша конторы, Лена, так же старательно планировавшая встречи Покровского. У него была домработница Жанна. И еще у него имелись старые, проверенные годами, знакомства, которые он ни при каких обстоятельствах старался не обрывать.

Хотя слишком часто супруга будущего замка появлялась одна в обществе архитектора. Ей вроде бы понравился его проект, с самого начала, как только увидела — впрочем, что она поняла в этих схемах? Понравился на самом деле или больше интересовал архитектор, скорее последнее. Иначе как объяснить ее взгляды, жесты, ее томление и сладкие речи, когда они оставались наедине. Он отвечал ей, как мог, коротко, и старался откланяться, но всякий раз получалось плохо, и он вынужден был сидеть и слушать, боясь уйти — боясь потерять союзницу.

Борис невесело усмехнулся. Он не был пуританином. У него были симпатии, были привязанности, и в то время, вернее, всего одна, короткая и страстная, начавшаяся как раз после того, как ему представили чету Самохваловых. Эту привязанность он испытывал к другой — нет, имя ее ни к чему вспоминать ныне, — которая не протестовала, не возражала, а принимала его привязанность как данность, смирившись с которой, можно получить определенное удовольствие от близости.

Он никогда не рассказывал даже ей о своей привязанности, но она все равно догадывалась об этом — верно, по его глазам. И тоже молчала, видя, как важно ее молчание. Лишь однажды он назвал ее так, как называл в мыслях — королевой Софьей, и, назвав, смутился и, подминая смущение, продекламировал какой-то стишок, кажется, Северянина. А потом быстро ушел — давно уже наступил поздний майский вечер, солнце зашло и холодок, как легкий отголосок зимы, пробежался по их спинам, он накинул ей на плечи шаль и назвал королевой Софьей. Взглянул на часы, все околдованное во мгновение ока разрушая, и откланялся. Так, будто и в самом деле куда-то торопился.

Той ночью ему приснился замок — во всех подробностях, в самых малых деталях интерьера, и он, радуясь этому сну, и позабыв, о, быть может, его причине, поспешил сесть за наброски, дабы эскизами успеть запечатлеть виденное в предрассветный час.

Покровский съел еще одну печенюшку, запив холодным кофе. И тут только вспомнил, что, Иннокентий Давидович все еще стоит у окна в дальнем конце коридора.

Доев печенюшку, Борис, подошел к двери. Сердце екнуло, когда Покровский рванул дверь на себя.

7

Она скрипнула, немедленно подавшись его рывку.

Борис очутился в немного душном коридорчике — два шага отделяло его от прохлады веранды. Под ногами валялись стандартный куски жесткой синтетической материи с нарисованными «следами» от босых ног эдак размера шестидесятого — еще одна безвкусица в *его доме*. Самохвалов предпочитал подобную несуразицу, вот и дом свой он поначалу хотел строить в стиле «новой архитектуры» и в эскизе накарябал нечто отдаленно напоминающее футуристические здания ле Корбюзье.

Здесь все еще чувствовался запах сосновой смолы, коей был обшит изнутри коридорчик, запах, наполненный солнцем, как и в тот день, когда дерево, пошедшее на обустройство дома, только спилили и освободили от ветвей и коры. Он коснулся теплых досок, складывающих едва видные узоры из сучков и прожилок. А затем прошел оставшиеся два шага до следующей двери — на веранду.

Коридоры, в особенности маленькие коридорчики, были всегда его слабостью. Особенно такой, уподобленный проходу из «сторожевой башни» в сам замок, его Борис рисовал с каким-то восторженным упоением, выделяя даже на плане мельчайшие детали и что-то подписывая к ним — доски должны стоять так, потолок следует оформить так. Он поднял глаза — да, все верно, мягкие деревянные плафоны, в которых, как картины, заключены были в галогеновые лампочки, благодаря матовому стеклу цвета беж, дававшие рассеянный свет в коридорчик. Казалось, здесь нет окон, и свет свободно струится сквозь многочисленные досочные щели, невидные глазу, но пронизывающие коридор насквозь.

Он открыл и выходную дверь. Странно, она так легко подалась ему, словно сама двинулась навстречу, едва он положил ладонь на ручку. Хотя, кажется, в его плане….

— Что за черт! — вырвалось у Покровского. Он тут же закрыл дверь и стремительно обернулся назад. На сей раз даже сердце не екнуло, и только предательская слабость в ногах дала знать. Покровский преступил с ноги на ногу, несколько раз глубоко вздохнул и выдохнул, но это помогло мало.

А затем снова открыл дверь.

Прямо перед ним находился огромный, давящей своей громадой на всякого входящего, зал площадью более шестидесяти метров и высотой в пять. Стены, на которые лился тусклый свет из высоких стрельчатых окон, украшали картины Тинторетто и Уччелло, а помимо них, всевозможное холодное оружие времен Ренессанса — пики, алебарды, мечи, палаши, шестоперы….

Покровский с треском захлопнул дверь, постоял немного, а затем открыл ее снова.

Результат этого действия ни на йоту не отличался от предыдущего.

Тогда он вытянул вперед руку. Затем, задержав дыхание, будто ныряльщик, отправляющийся на дно штормящего моря, просунул голову. Когда воздуха в легких стало не хватать, судорожно вдохнул запах смолы и нервно закашлялся.

Ничего. Никакого сопротивления.

Если коридор и отражался зеркально, то самого зеркала в дверном проеме не было. Покровский, уже сам не понимая, что делает, свободно прошел внутрь, оглядывая парадную гостиную, ничем не отличавшуюся от той, которую покинул минуту назад. Те же картины, тот же забытый набор посуды на низком столике — он мог бы подойти и увериться, что вкус печенюшек, лежащих в вазочке ничем не отличается от тех, что он пробовал, пока решался зайти в «свой» коридор. Но подходить и уверяться Борис не стал, вернулся назад. Как он ни старался, выходная дверь — он хотел увериться, что это действительно выходная дверь — открывалась только вовнутрь, в точности так же, как и та, что вела в гостиную.

От мысли, что он может их перепутать, Покровского бросило в пот. Он снова прошелся туда-сюда по коридорчику, открывая двери сперва от себя, а затем, уже покорившись, на себя.

Результат везде был одинаков. Как и следовало ожидать.

Он попытался открыть одновременно обе двери, хотя бы так, как они подавались ему. Одну он зацепил половиком, сложенным вдвое, а когда прошел до конца коридора и повернул ручку другой, то увидел, как дверь с силой отходит от стены, отбрасывая попутно половик на середину коридора. И только после этого другая дверь немедленно растворилась, подавшись его усилию.

Покровский чертыхнулся про себя и некоторое время просто смотрел на своенравную дверь. Потом вздохнул, покачав головой. Что ж, этот раунд следует признать за домом.

Борис вернулся, подобрал половик, положил его к двери. Обернулся и тут только заметил, что в точности такой же половик лежит у другой двери — странно, как он не обратил внимания на это обстоятельство. Да и зачем Циммерману понадобилось два половика? Или он… он положил один, а Борис, открыв дверь не в ту сторону…

Он провел ладонью по лицу, затем по волосам, пытаясь успокоиться и сориентироваться. В этом коридорчике он чувствовал себя в безопасности. Но вот дальше… что будет дальше.

Он забыл, где находится настоящий дом, а где его зеркальный двойник. Он запутался.

Покровский беспокойно закрутил головой. Нет, должно быть различие — тот же половик, который он сдвигал, чтобы оставить открытой дверь…. Какую дверь… куда?

Он прислонился к стене и бессильно стукнул кулаками по смолистым доскам. Нет, так ничего не выйдет, он только больше распсихуется и тогда дом сделает с ним все, что захочет. Нельзя поддаваться ему, нельзя поддаваться.

Нельзя! Поддаваться! — каждое слово разума, утверждаясь в сознании, сопровождалось ударом кулака по стене.

Запыхавшись, он присел на колени. Пот лил градом по его лицу, нетрудно представить как он выглядит со стороны, интересно что скажет Иннокентий Давидович, когда…. Борис встрепенулся.

А что, в том зеркальном доме есть кто живой? Может быть, он пройдется по залам, зайдет в пустую кофейную гостиную, и не найдя никого…. А если найдет… снова пойдет сюда и… может снова найти… другого Иннокентия Давидовича, в точности похожего на встреченного им час назад, другого хозяина другого дома, в коридоре между которыми он сейчас застрял, пытаясь найти *свой*.

А он, сам он, если на то дело пошло, значит и он, другой, тоже мечется, выбирая между зеркальным отражением, в которое приехал и его реальным собратом, мечется в этом самом коридорчике, невидимый глазу настоящего Бориса Покровского. Его точная копия, его зеркальное отражение, его двойник, заблудившийся, застрявший в коридоре, в точности, как и он, позабывший путь назад. Возможно ли такое…

Кажется, в этом доме все возможно.

Борис потер лоб и тряхнул головой, за нехитрыми этими движениями пытаясь скрыть накатывающую волну новой истерики. Нет, так дело не пойдет. Ему надо просто подумать, просто вспомнить всю последовательность действий с самого начала, с того момента, как он покинул реальную гостиную и вошел в коридорчик, рассчитывая попасть на веранду. Он поднялся беспокойно и сделал два порывистых шага в сторону… реального, иллюзорного — трудно сказать — дома. И остановился.

Надо сосредоточиться. Так. Спокойно. Спокойно. В начале он вошел, заглянул в коридор, увидел в конце его ту же гостиную, откуда вышел, метнулся назад, затем снова открыл дверь — господи, ну к чему столько лишних движений, к чему! — а после этого… спокойно же, черт возьми!… после этого он снова вернулся в реальную гостиную. Затем снова в иллюзорную. А потом в реальную. Кажется так.

Или он прошелся еще раз туда и обратно — один или два раза? Нет, какая разница, в сумме это дает одно и тоже, тогда он еще помнил, куда следует идти, а куда нет. И только после этого он зачем-то занялся половиком, а после этого….

Какую дверь он оставил открытой? Ту, у которой изначально был половик, да верно. Условно наружную дверь, выводящую на веранду. Значит, он, открыв ее, пытался заглянуть в реальную гостиную… глупо, зачем, скорее наоборот. Но тогда почему у внутренней двери должен лежать половик, это противоречит всем законам логики… или их тогда уже было два, а он этого попросту не заметил? Если так…

Он снова стукнул кулаком по доске и бессильно привалился к косяку двери. Одной из возможных дверей. Одной из невозможных.

Нет, не выходит, не получается. Он столько раз входил и выходил, заглядывая туда и обратно, что попросту сбился со счета. Четное число раз заглядывал он в двери или нечетное — теперь не вспомнить. Если четное, тогда все в порядке, если нечетное….

Он протянул руку к двери и отдернул ее, будто обжегшись. Снова попытался вспомнить количество сделанных им переходов из одного конца коридорчика в другой. И покачал головой. И тут же хлопнул себя по лбу, раздосадованный, что не сразу вспомнил о такой важной детали, заморочил себе голову какой-то ерундой, распсиховался и позабыл о самом главном.

Об окнах. Ну, конечно же! Почему ему это пришло в голову только сейчас…. Хорошо еще, вообще пришло в голову. Стоит только выглянуть в окно и сразу все проясниться, сразу станет ясным, иллюзия какой стороны манила его, и реальность какой дурачила. Так все просто, ведь пейзаж за окнами….

Он выглянул в одну сторону, в левое окно и довольно усмехнулся. Выглянул в другое — правое, и побледнел, отшатнувшись. И повторил процедуру и сел на пол посреди коридорчика и закрыл лицо руками, чтобы больше не видеть заоконным пейзаж.

Ибо он был абсолютно одинаков — что в одном, что в другом окне. Только одно окно пропускало в себя реальный вид, а другое — зеркальное его отражение. Идеально точно сопряженное с противоположным, настолько точно, что разве разбив стекло, можно было понять…. Если вообще возможно.

Покровский покачал головой. Не выйдет, кулаками он этого стекла не разобьет, толщина семь миллиметров. Он специально — специально, это надо же додумался! — поставил сюда такие стекла, чтобы их чрезмерная толщина немного смазывала пейзаж и рассеивала солнечный свет, создавая иллюзорное ощущение у всякого, проходившего через этот коридор….

Всякого, а теперь вот и его тоже.

Ладно, на себя пенять поздно. Ничего уже не поделаешь с его давними задумками. Надо идти обратно, к Циммерману. Теперь уже неважно, к какому. Надо только выбрать дверь,… если выбор имеет значение. Нет, имеет, ему не следует раскисать, поэтому он пойдет в ту дверь, что расположена в дальнем конце коридора, *от него* дальнем. Посмотрим, что окажется за нею, ведь — и эта мысль его хоть как-то утешила, все можно переиграть, может быть можно, если только он будет внимателен и найдет какую-нибудь ошибку в том доме, в который зайдет. Тогда ему остается только пойти в другой дом и пытаться выбраться уже оттуда — у него было два других выхода, в запасе. И это обстоятельство внушало определенную надежду. Ведь наверняка, из иллюзорного дома он вообще не сможет выбраться, выходы будут перекрыты тем же способом или вовсе не смогут его выпустить. Да нет, скорее всего, просто перекрыты, сколько же можно создать этих миражей.

Хотя он попросту забыл об эффекте поставленных друг перед другом зеркал — всякий предмет, отражается в них бесконечное число раз. Так что может быть и иллюзорных домов существует столь же неограниченное число, не поддающееся ни счету, ни фантазии. Ограниченное, если это вообще возможно, только возможностями строительства фантомов самого

его детища — жуткого детища, играющего со своим жалким творцом в доставлявшие ему удовольствие, творцу мучения, игры.

Последняя мысль вызвала у Покровского жалкую улыбку. Он первый начал строить иллюзии, свои собственные, и вот теперь сам же принужден выпутываться из них. Словно попал в сюжет фантастического романа, дешевого, бульварного романа, где дом строит козни своему архитектору — хоть снимай фильм ужасов.

Все. Последняя капля. Он больше не чувствовал себя тем самодостаточным, уверенным в себе человеком, некогда входившим в замок, с тем, чтобы принять от Циммермана новые расшаркивания и хвалебные оды и. может быть еще дать ему, если душа позволит или настроение будет — кой-какие советы общего плана. Или возмутившись его словами, уйти, презрительно прикрыв за собой дверь — как он рассуждал по дороге к замку. Иллюзия закончилась. Собственно, она закончилась несколько раньше, но сейчас он впервые осознал себя другим, совсем другим человеком. Всего лишь загнанным в угол мальчуганом, что заблудился в построенном им из кирпичиков замке и тщетно зовет маму, ожидая, что вот она вернется, возьмет за руку и поведет привычной дорогой домой, где его ждет ужин, сказка на ночь и спокойный, прогоняющий все дневные переживания сон.

Маленький уютный домик в деревне Никольское, на окраине Москвы, в деревеньке, с одной стороны прилепившейся к старым хрущевкам, близ проспекта Вернадского, а с другой спускавшаяся к речке Самородинке, за которой, через Мичуринский проспект и пустырь стояли жилые кварталы района Очаково. Деревеньке, утонувшей в зарослях сирени, несносно благоухавшей вёснами, закрытой от прокладываемых мимо улиц зарослями тополей и вишневыми садами, уходившими к полям совхоза «Матвеевский», сливавшимся с ним огородами, так что и не отличить было порой, где свое, где уже государственное….

Он закрыл лицо руками. Память, невольно всколыхнутая *его домом*, причиняла Борису новую боль. Невосполнимой потери, утраты, которая уже подзабылась, но невычеркнутая, снова дала знать о себе, остро кольнув прямо в сердце.

Деревню Никольское снесли как раз перед самой Олимпиадой-80, почти двадцать лет назад. А их, жителей деревушки, переселили оптом в другую глушь, на другой край Москвы, в только осваиваемое Строгино, голое и безжизненное, заставленное одинаковыми коробками новостроек, заплутать среди которых было столь же просто, как в диком лесу. Вся деревня как раз уместилась в одной из таких шестисотквартирных коробок, а вокруг оставалось еще много места для других переселенцев из Теплого Стана, Черемушек, Отрадного….

Сносили старое, возводили новое, вырывая с корнями из прошлого, поселяли в том, что считалось будущим. Конечно, по удобствам панельная семнадцатиэтажная коробка превосходила старую развалину дома, но родней от этого не стала. Чему ж удивляться, что многие, прознав по каким-то им одним ведомым каналам, день и час конца Никольского, приехали на свой конец Москвы.

За выставленное оцепление никого не пустили. Было уже поздно забирать эту милую сердцу рухлядь: старую тумбочку, сундук, заваленный стеганными одеялами, на котором так мягко было спать многие годы, этажерку, пережившую войны и революции, семь слоников на счастье.

По сигналу, по взмаху красного флажка, техника пошла в ход.

Взревели тракторы, могучие в два человеческих роста японские «Хитачи» и развернутым строем двинулись на деревушку. «Точно танки», — сказал кто-то из толпы. И с ним согласились, и тишина опустилась на собравшихся за ограждением людей, словно, все они увидели именно то, что на мгновение привиделось одному из селян. А тракторы уже въезжали на узкие улочки Никольского, стирая боками в щепы заборы, круша кусты сирени, выворачивая столетние тополя.

Деревянной деревушкой было Никольское, не было в ней кирпичных домов. И оттого не было и сопротивления. Бульдозеры как ножами срезали бревенчатые стены и разворачиваясь на месте, раскатывали по бревнышку дома; падали крыши и разбивался шифер, брызгаясь во все стороны; а трактор двигался дальше, оставляя за собой тяжелый гусеничный след на разоренной земле. Падали выворачиваемые с корнем деревья, рушились сады, спелые и еще зеленые яблоки дождем посыпали путь огромным машинам. Дома обнажались, оставляя, как на пепелище, последнее, что противостояло натиску — где простые кирпичные, а где изразцами уложенные печи. И, странное дело, в то безбожное время, — обнажившийся красный угол одной из пятистенок; за раскрытыми занавесками виднелись иконы с ликами Богородицы, Спасителя и Николая Угодника. Трактора давили их гусеницами, уже в последнюю очередь, словно наказывая непокорных. Кто-то, увидев образа, вскрикнул, пытаясь прорвать оцепление — старушечий плач поднялся над разом потемневшей толпою. Поднялся и разом спал, перейдя в неслышный шепот.

Борис оглянулся — то вскрикнула баба Груша, пытавшаяся вырваться из рук своего мужа, деда Матвея. Покричала и замолкла, поддавшись всеобщему молчанию, и лишь плакала тихо и что-то шептала себе в старый выцветший платок. Рядом стоял одноногий Егорыч, прислонившийся к тонкой молоденькой липе, лицо он прятал в желтевших не ко времени листьях, в них же прятались ордена и медали, выданные взамен отсеченной осколком снаряда ноги. Он не был единственный, кто пришел проститься с Никольским при полном параде. Проститься, с большей частью своей жизни, с местом, где родились, и выросли, откуда ушли воевать, и куда вернулись, чтобы снова работать, любить и горевать, в неизбежных потерях пробираясь сквозь встающие на пути годы.

Пришедшие молчали, не о чем говорить было, да и невозможно — все заглушал грохот вошедшей в село техники. Только смотрели, сколь быстро работают трактора: порушив в несколько минут первые дома на самой околице, они двинулись дальше, каждый в свою сторону, каждый превращая в руины свой квадрат размеченной заранее земли.

Прошло полчаса, час. К этому времени большая часть деревни осталась позади, перемолота гусеницами, сворочена бульдозерами, перемешана с землей. Дом Бориса стоял ближе к дальнему краю, когда японские трактора, не ведавшие усталости, не чувствовавшие сопротивления, подошли к старой бревенчатой хате, он не выдержал и заплакал. Последнее, что он видел, как мощный экскаватор, подкравшийся с тыла и доселе не принимавший участия в уничтожении, неожиданно размахнулся своим тяжелым ковшом и с маху ударил по стене его дома — аккурат в тот самый угол, где стояла его старая кровать. Стена покосилась, новый удар, — и со скрежетом обвалилась внутрь, сминая все, что оставалось в комнате Бориса, аккуратно прибирая под себя.

Он почувствовал, как теплая рука обняла его, пытаясь отвлечь, успокоить. Борис поднял глаза: баба Груша. Старушка отплакалась, и только покрасневшие глаза выдавали ее.

— Зря ты пришел, — сказала она, поглаживая его непослушные вихры. — Не надо тебе на все это смотреть. Ни к чему это.

Он слушал и не слышал ее. Только грохот техники, перемалываемой деревню, стоял в ушах.

— Может, давай пойдем? — спросила она. Борис покачал головой упрямо. И перевел взгляд на одноногого Егорыча — тот выпрямился и упершись в стершиеся костыли, невидящим взором смотрел на остатки деревни, быстро подминаемые тракторами. Дышал он тяжело, и при каждом выдохе на груди звенели тоненько медали — за взятие Варшавы, Берлина, Праги, за отвагу, за победу…. Рядом стоял и дед Пахом, в старой гимнастерке, несмотря на холодное утро, с единственной наградой, которой удостоили выжившего в мясорубке Сталинграда штрафника, — за боевые заслуги. И еще несколько стариков, прошедших ту войну, и их жен, сменивших мужей на заводах и фабриках, что находились уже где-то за Уралом, в самом сердце

подминаемой чужими сапогами страны, и так же не забыли про награды, выданные с тем, чтобы, выдав, забыть.

Прошло полтора часа. Рев моторов затих, техника, прокатившись через все Никольское, теперь остановилась на самой его окраине, заняв позицию стражей порушенной деревни.

Тишина объяла мир. И в тишине этой люди стали медленно расходиться, подтягиваясь к метро. Баба Груша повела его, бессильного увиденным, — Борис едва мог идти, ватные ноги не слушались маленького хозяина.

Покровский рывком поднялся на ноги. Воспоминания начали медленно отступать, оставляя его наедине. Прежде он старался подавить эти картинки прошлого, старался всегда успешно, запрещая себе вспоминать о Никольском — и вот только теперь не смог, не сумел. Словно прорвало плотину, сдерживающую копившуюся столько лет боль.

То ли виной тому его угнетенное состояние, то ли сам дом захотел, чтобы он….

Лет семь назад он побывал — проездом, по работе занес неведомый случай — на том самом месте, где когда-то стояла деревня. И почти не узнал его. Столько лет прошло, столько нового приняла в себя его старательно очищаемая от всего лишнего память. Почти… но все же остановил машину и вышел. Как раз напротив тех хрущевок, что были пределом селу Никольское с восточной его стороны. По другую сторону улицы, на окраине деревни возвели три огромных крестообразных многоэтажки, давно заселенных людьми, не ведавшими, так же как и переселенцы Никольского, о том, что было прежде на земле, отведенной под строительство их муравейников.

А вот саму деревню стерли насовсем. Так, что кроме голого поля во много гектар, заваленного отслужившими свое стройматериалами, разбитыми, проржавевшими железными конструкциями, ничего не осталось. И только на другом краю Никольского — близ речки Раменки, на месте бывшего дома культуры — возвели несколько таких же коробок, в одной из подобных, в далеком Строгине, и поныне жила его мама.

Покровский сел в машину, проехал вдоль по улице Лобачевского, соединившей Мичуринский проспект с улицей Коштоянца. Он поминутно оглядывался по сторонам, пытаясь найти что-то знакомое, что именно — и сам не мог понять, а потому ехал медленно, не замечая сигналов спешащих машин. И наконец, завернув, въехал по знакомой асфальтовой дорожке на пригорок и остановился у огромной ветлы. На которой столько лет назад качался на «тарзанке». Она и сейчас была там, сделанная из пожарного шланга, примотанного к тому же суку, что и прежде, и с той же дощечкой для сидения, — словно единственная, кто не изменилась за все истекшее время, перенесшая все испытания, прошедшая и устоявшая.

Он услышал легкие шаги, обернулся. Двое ребят, лет этак двенадцати, подходили к ветле. Борис не стал ждать, вырулил на Лобачевского, и, глядя в зеркало заднего вида, невольно улыбался, как они немедленно оккупировали старое дерево, стоило только уехать машине.

Улыбка погасла, когда он снова увидел безобразный пустырь, простиравшийся почти через всю деревню. Кто еще вспомнит о ней, чтобы, окончательно застроив место Никольского, освободить его память от невеселых воспоминаний, которые так тяжело удается стирать. И которые так легко восстанавливаются, всплывают, бередя сердце, стоит только случаю, неприятному или неожиданному, всколыхнуть тщательно задергиваемую завесу.

8

Покровский вздохнул, посмотрел на часы. Боль памяти понемногу изгнала страх, заменив странным чувством: безразличия, что ли. Нет, не совсем, скорее, равнозначности. Всех возможных путей в его нынешнем невеселом положении.

Ничего не поделаешь, ему придется вернуться к уже заждавшемуся Циммерману. Он подошел к дальней двери, но рука его замерла, зависнув в нескольких сантиметрах от ручки. Борис повернулся, и хотел идти назад, но, неожиданно передумав, схватился за ручку и решительно потянул дверь на себя. И прошел в пустую парадную гостиную, где его привычно дожидался остывший кофе на серебряном подносе.

Почему-то казалось сейчас — может, от воспоминаний, прежде тщательно скрываемых, а ныне без спросу вылезших наружу, — что путь его может лежать через любую из предлагаемых на выбор дверей — и там, и там будет привычная гостиная, с привычным кофе на серебряном подносе, и не иллюзорная, как он думал поначалу, а вполне реальная. Как это возможно — в тот момент казалось очень просто. Ведь дом не хочет его отпускать от себя, не показав все, на что был способен, не продемонстрировав себя весь во славе и могуществе; не доказав или свое превосходство, или его, архитектора, ничтожность, не все ли едино. А значит, оба пути ведут туда, куда и полагалось вести — в настоящую парадную гостиную реального замка, построенного по его, Покровского, проекту для четы Самохваловых. Дом нашел прекрасный, очень остроумный способ не отпустить хозяина, уязвить своего творца. Самому творцу оставалось лишь снять перед ним шляпу — буде она при нем.

Борис свернул за угол: знакомая картина — Циммерман, немного смущенно, немного взволнованно вглядывается в лужайку перед домом, высовывается, насколько возможно, из окна, ища глазами Покровского и не находя его; а затем украдкой поглядывает на блестящие на солнце золотые часы, не понимая, куда запропастился архитектор.

Появление Покровского со спины было для Циммермана полной неожиданностью. Некоторое время он просто смотрел на подошедшего, не говоря ни единого слова, а затем, по прошествии полуминуты, неуверенно произнес:

— Вы не пошли, — это был, скорее, не вопрос, а утверждение. Борис кивнул. — Что так?

— Да просто… я и так прекрасно помню план дома, в чем убедился, пройдясь по комнатам,… извините, что заставил вас столько времени ждать впустую.

Он никак не решался высказать истинную причину его непоявления в окне перед Циммерманом. Борис посмотрел на хозяина дома и нерешительно переступил с ноги на ногу.

— Ну, как скажете. Жаль, конечно, что мы потеряли столько времени.

— Извините, я… мне должно было вас предупредить,… но как-то само собой вышло, что….

Циммерман закрыл окно, рама подалась с трудом, нехотя возвращаясь в исходное положение. Затем повернулся к Покровскому, ожидая продолжения. Борис отвел глаза; взгляд его упал на кресло, стоявшее рядом с жардиньеркой, верхние полочки украшали свисавшие сеточки листьев аспарагуса. Борис снова хотел потревожить Иннокентия Давидовича рассказом и снова не мог осмелиться. Слишком глубоко засело в нем то, что обязывало вести себя, словно ничего не случилось, и теперь, и дальше.

Вот в чем парадокс. Он хотел кричать о собственном бессилии, о невыносимости молчания — и не мог разомкнуть уста. Напротив, покрываясь холодным потом, молча слушал бы пространные речи и соглашался, слушал и соглашался, не решаясь по-прежнему обеспокоить, стать навязчивым носителем дикой, бредовой информации.

Собственно, Циммерман уже говорил, Покровский только сейчас заметил это. Как и прежде, едва выдавалась пауза, а по всей видимости, хозяин дома не любил пауз, Иннокентий

Давидович немедленно заполнял их своими монологами. В данный момент речь шла о внутренней отделке дома, той, что досталась ему от Самохваловых, и той, что он осмелился изменить, считая вкус бывшего владельца моветоном. И спрашивал архитектора, — вот это Борис успел заметить, и на этом сосредоточить свое внимание — удачна ли, по мнению авторитета, его задумка?

— Я бы не задумывался над этим, — продолжил Иннокентий Давидович, — если бы не одно «но». Мне кажется, отделка некоторых комнат противоречит общему духу замка, не вписывается в его образ, если хотите. Конечно, можно было бы оставить все, как мне досталось при покупке и не обращать внимания….

Золотые слова, как нельзя кстати прозвучавшие, как подумалось Борису, слушавшего этот нескончаемый монолог.

— Знаете, раз вы уже походили по комнатам, то, наверное, заметили перемены относительно вашего плана. Я бы хотел несколько подчеркнуть их, отдельно проведя вас в гардероб, собственную спальню, рабочий кабинет и мансарду — их обстановка изменена практически полностью. Впрочем, я, как вы понимаете, потому и пригласил вас, чтобы принять любое ваше суждение.

— Тогда идемте, — Борис потащил Циммермана за собой. — Давайте и посмотрим все.

— Конечно, как скажете, только, — Иннокентий Давидович никак не мог уловить столь странной перемены в настроении архитектора. — Вроде как *вы* ведете меня показывать апартаменты замка…

— Послушайте, Иннокентий Давидович, — Борис улыбался заранее, резиновая улыбка обезобразила его лицо; он улыбался и тащил хозяина за собой. — К слову о помещениях. Я тут не был, вы знаете, вот мне и хотелось узнать самое главное, что волнует любого создателя замков — тут, случаем, привидения не водятся?

Вопрос прозвучал не как шутка. Совершенно серьезно, как ни старался Покровский скрасить его в шутовские тона. Циммерман вздрогнул — более от неожиданной резкости прозвучавших фраз — и пожал плечами.

— Да как вам сказать. Не знаю, не замечал. Бог миловал, — он не знал, как следует отвечать на слова архитектора, и замолчал резко, ожидая ответа. И на всякий случай, приготовившись улыбнуться.

— Не замечали, но могли заметить.

— Все может быть, — теперь он улыбался, ожидая ответа — не столь резкого, более спокойного, может, остроумного и готовился поддержать шутку. — Все может быть, сами понимаете. Хоть замок и молодой, но как говорится, молодо, зелено. Да и я не подхожу своему дому по возрасту, сами видите.

Циммерман был готов принять слова Бориса — любые. Но Покровский пока молчал, широко шагая по коридору, в противоположный его конец, в левое крыло, к комнатам хозяина и хозяйки. И решал — сказать, не сказать. Поверит — не поверит.

Лучше начать так:

— Знаете, кое-что во время этого обхода я у вас заметил. Довольно странное, на мой взгляд, — Борис остановился, Циммерман едва не налетел на него, столь неожиданной для того оказалась эта остановка.

— Простите, я не совсем понял.

Они оказались подле внутренней винтовой лестницы, в небольшой нише, не видной с внешней стороны дома, и ведущей на второй этаж. Коридор расходился в этом месте: направо упираясь в дверь бильярдной, налево снова сворачивая и ведя в тренажерный зал, находящейся в тыльной стороне дома. То же разветвление находилось и на втором этаже, только там конечными пунктами маршрута были рабочий кабинет хозяина дома и проходная комнатка, которой сам архитектор так и не дал названия. Может быть, именно из-за ее крошечной площади —

всего десять квадратных метров. Второй своей дверью комнатка выводила к гостевым покоям, до которых можно было добраться и куда проще — по парадной лестнице, и далее по короткому коридорчику, уводящему в глубь замка.

Циммерман осторожно коснулся перил пальцами. Покровский пристально следил за каждым его движением.

— Что именно вы у меня обнаружили за столь короткий срок?… в том смысле, что я здесь бываю довольно часто, а вы, сами говорите, в замке впервые и….

Он все еще улыбался, надеясь на шутку. Но лицо Покровского было серьезно, резиновая улыбка уже не искажала его черт. Циммерман пристально взглянул на собеседника, но встретиться взглядом не смог: Борис все еще разглядывал расходящийся в обе стороны коридор и лестницу, ведущую вверх.

— А что это было? — спросил он, неожиданно понижая голос. — Это… гм, серьезно? — и тут же, словно снимая напряженность, снова коснулся пальцами перил лестницы.

Пожалуй, впервые за все время разговора у лестницы Борис взглянул на своего собеседника.

— Самый простой пример странности, который я встретил в доме: ваша тройка, — Покровского самого поразило, насколько легко ему сейчас говорится о потаенном в присутствии хозяина дома.

— Моя *тройка*? — механически повторил Циммерман, оглядывая себя так, словно впервые задумавшись над тем, что на нем надето. — А, простите, что с костюмом?

Покровский не смотрел уж на него, снова сосредоточив внимание на лестнице, двумя винтами поднимавшей посетителя наверх. Он молчал, молчание затягивалось.

— Я хорошо помню, — произнес Борис, снова оборачиваясь к Циммерману и повторно оглядывая хозяина дома с головы до пят, — что, когда я уходил от вас, вы были одеты в совершенно другой костюм. Кашемировый, темно синего цвета, к тому же двойку. Тогда как сейчас на вас — твидовый, темно-серый — и тройка. Простите, — снова пауза, на сей раз короткая, — я не ошибся?

Циммерман медленно покачал головой, пристально изучая собеседника.

— Нет, вы ошиблись. Кашемировый костюм я одел еще до вашего прихода, когда позвонил вам, и попросил приехать за консультацией по поводу… — он резко оборвал себя и продолжил: — Я хочу сказать, что надел его сразу же поутру и после этого до сих пор остаюсь в нем. Вообще, я не очень люблю кашемировые костюмы, но это подарок дочери, и я посчитал, что неудобно будет ни разу не одеть…. Кстати, прошу прощения, но с чего вы взяли, что на мне надет твидовый костюм. Да, у меня есть костюм такого рода, но я не счел нужным одевать его сегодня. Простите, может быть, вы не так разбираетесь в материалах, но то, что одето на мне обыкновенно именуют именно кашемиром. Это тонкая овечья шерсть…

— Я знаю, что такое кашемир, и имею одежду из него в своем гардеробе. Но я еще привык доверять своим глазам, и могу сказать с уверенностью, что сейчас на вас нет того костюма, в котором вы встречали меня, пили кофе и в котором оставались до того момента, как я отправился на осмотр помещений. Вы именно в твиде, причем в костюме-тройке, а не кашемировой двойке, как прежде.

— Но простите, то, что вы сейчас сказали, просто несерьезно.

— Я так понимаю, — холодно произнес Борис, уязвленный до глубины души «предательством» Иннокентия Давидовича, — что иных толкований не может быть.

Пауза растянулась надолго. Собеседники не сводили друг с друга настороженного взгляда.

— Вы с ума сошли, — тихо, одними губами, произнес Циммерман. — Вы что, посчитали, что я вас начну дурачить с переодеванием, так я должен толковать ваши слова? Право же, я никогда бы и в мыслях предположить не мог, что меня обвинят…

— Значит, я ошибся, — ответил Покровский.

— Единственное, что я не в силах понять, откуда вы взяли, что я в твидовом костюме, ведь я тоже имею глаза, и они не замечают никакой перемены в моем платье. Странно только одно. Где вы могли видеть костюм из твида, ведь мы же не заходили в мою гардеробную.

Покровский промолчал, так и не дав ответа. Хозяин дома продолжил с некоторым нажимом в голосе.

— Признаться, я и подумать не мог, что вы будете столь невнимательны к моему туалету.

Костюм Циммермана, к удивлению Покровского, начал постепенно возвращаться в прежнее, виденное им, кашемировое состояние. Сперва изменился цвет, затем, фасон, и после этого, сам материал. Последней исчезла жилетка. Борис внимательно следил за всей этой метаморфозой, не в силах отвести взгляд. И лишь только когда она завершилась, тихо произнес:

— Простите, я действительно ошибся, — уже не глядя на Циммермана, а рассматривая светлые, почти белые обои в коридоре, перпендикулярном тому, что привел их в левое крыло.

Конечно, ошибся, подумалось ему. Значит это зеркальное отражение, если верить той, первоначальной, его гипотезе. Значит, подлинный хозяин дома все еще стоит и ждет у окна.

— Безусловно, — подтвердил его слова Циммерман. — А впрочем, что там говорить, кто из нас безгрешен в своей памяти? Кто может на нее всерьез положиться. Со мною, к примеру, она и в ваши тридцать с небольшим, выкидывала шутки и похлеще. Хотя, и несколько при иных обстоятельствах, о чем я говорю.

— Я понимаю, — произнес Борис, медленно оглядывая Циммермана.

— Как скажете. А знаете, ничего удивительного в том, что мы «обманываться рады», как сказал классик, нет. Наш мозг, наш единственный инструмент познания внешнего мира, столь хрупок и ненадежен, что на него просто нельзя по-настоящему положиться. Ну, сами посудите, разве может человек считать себя абсолютно здоровым, если таковых критериев даже не существует? Нет эталона, с чем можно было бы себя сравнить, есть лишь мнения других людей, но, если все ошибаются, тогда как? Что в этом случае считать истиной — собственные ли убеждения или мнение толпы. И не хочешь, а увидишь то, во что заставляют поверить другие, или же ты сам, по каким-то причинам хочешь поверить.

И Циммерман, прервав свою речь, выразительно посмотрел на архитектора. Борис заметно побледнел и медленно вздохнул и выдохнул, глядя в конец коридора и пытаясь успокоиться.

— Что вы хотите этим сказать? — тихо спросил Покровский, чувствуя, как холодный пот медленно собирается в тяжелые капли у него под волосами. — Я не совсем понимаю, к чему вы клоните.

— Вот как? — в голосе послышались язвительные нотки. — А я думал, вы сразу догадаетесь.

Именно в этот момент Покровский решил действовать напролом, ведь Циммерман проделал свой фокус прямо на глазах собеседника, явственно отнеся себя ко всему, что Покровский посчитал враждебным себе. Совершив акт сопричастности силам, вступившими с Покровским в тайную борьбу, здесь, в замке. В *его доме*. Теперь можно не сомневаться, Циммерман на стороне всего этого незримого, непонятного, неименуемого, и откровенно антагонистического. Вот теперь он, отбросив всякий стыд, в открытую потешается над бессилием Покровского.

Что ж, когда все стало на свои места, и архитектору нет надобности держаться в рамках правил приличия. Он не будет и секунды задерживаться в этом доме. Он просто уйдет — туда, в другую гостиную, по известному ему маршруту. В этом доме он разобрался — осталось разобраться в другом доме — и уже оттуда попытаться уйти — и тоже любым способом.

Покровский развернулся и, натолкнувшись на стоящего в проходе Циммермана, попытался отстранить его. Но хозяин дома не шелохнулся, спокойно выдержав ледяной взгляд архитектора.

— Я бы хотел выбраться отсюда, — резко начал Покровский, но затем спокойным тоном добавил: — Вы решительно против этого?

— Можете говорить чуть тише, я не глухой.

— Простите, я задал вопрос.

— Я понял его, можете не сомневаться. Да, теперь я прекрасно вижу, что вам не терпится покинуть этот замок. Но меж нами все еще остается одна договоренность, которую вы мне обещали. Мы до сих пор не осмотрели *моих* комнат.

Борис поперхнулся.

— Каких комнат? — переспросил он, все еще пытаясь обойти хозяина дома. Но коридоры в замке были спроектированы им самим нарочито узкие, так что сделать этого, когда Циммерман загораживал проход, не представлялось возможным. Разве что пойти на приступ.

— Мы с вами обговаривали это несколько минут назад. И не смотрите на меня волком, вам следует взять себя в руки. Я хотел показать вам те комнаты, что переделал после приобретения дома у Самохвалова. Да, я забыл сказать, что обращался за помощью к людям вашего агентства, они предложили мне на выбор два варианта перепланировки.

— Я хочу выбраться из дома, — как можно спокойно, несмотря на клокотание внутри, произнес он. — А не рассматривать ваши переделки. Мне они неинтересны.

— Значит, вы решительно отказываетесь посмотреть мои комнаты? — переспросил он. Покровский снова покачал головой. Циммерман вздохнул. — Ну что же, воля ваша.

И сделал шаг в сторону, пропуская его.

Это было настолько неожиданно, что последующие несколько секунд Покровский стоял на месте, ожидая какого-то подвоха и не решаясь пройти в коридор. И лишь затем двинулся по коридору, оставляя Циммермана за своей спиной. И тут же оглянулся.

Хозяин дома стоял на прежнем месте, глядя архитектору вслед с некой укоризной, как человеку, изменившему обещанному уговору — враз и безо всяких к тому оснований.

— Воля ваша, — повторил Иннокентий Давидович на прощание. — Жаль только, что я потратил ваше время — вот так, совершенно напрасно. Вы, наверняка, всегда заняты.. Мне просто обидно, что вы уезжаете, так и не посмотрев на то, о чем мы с вами прежде сговаривались.

Некоторое время Борис смотрел на него. На то, как Циммерман снова меняет костюм. На сей раз на летний, светло-серый, стального цвета. Смена происходила немного медленнее прежней, словно Иннокентий Давидович уже подустал этим заниматься.

— Кстати, этот костюм вам не идет.

Циммерман оглядел себя.

— Вы уверены?

— Уверен.

Хозяин дома пожал плечами: костюм снова вернулся к прежнему виду. Без задержек.

Покровский отвернулся, прошел несколько метров, но затем остановился и неожиданно повернул назад.

— Послушайте, у меня к вам последняя просьба.

— Я весь внимание.

— Вы можете вывести меня отсюда? Нет, не делайте изумленного лица, оно вам тоже не идет. Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю.

— Если честно, то не очень.

Борис сжал кулаки и тут же разжал их.

— Хорошо, тогда просто идемте со мной, — С этими словами Покровский схватил Циммермана за рукав и потащил за собой. Хозяин дома несколько шагов вырывался из хватки архитектора, затем пытался остановиться, но когда и это не помогло — сила молодости, помноженная на отчаяние, превосходила его возможности многократно, — взмолился:

— Безусловно, я провожу вас. Только отпустите мой рукав, вы же так костюм порвете. Ну, я прошу, отпустите, я пойду с вами. Можете быть уверены, вы уже убедили меня, в чем угодно.

— Рад слышать, — он дошли до поворота в коридор, ведущий в парадную гостиную. Покровский резко остановился, Циммерман не удержавшись, налетел на него, едва не сбив с ног. — Только вы пойдете первым.

— Как скажете, как скажете, — и Циммерман заспешил вперед. Покровский, стараясь не отставать, шел за ним след в след.

Иннокентий Давидович открыл дверь в гостиную, Борис невольно замедлил шаги, и увидев оставленный на столике поднос с позабытым кофе, торопливо произнес:

— Подождите, пожалуйста. Позвольте мне убрать все это, а потом мы пойдем к вашей машине.

— Не сейчас, уберете позже. У вас будет масса свободного времени.

Циммерман подошел к двери в коридорчик, соединяющий гостиную и веранду, но в этот момент Борис снова схватил его за рукав. Хозяин дома, видимо, ожидавший чего-то подобного, немедленно вырвался из рук. Ткань пиджака треснула.

— Ну вот, я так и знал, — жалобно произнес он. — Обязательно вам надо было это делать.

Борис не ответил. Отстранив хозяина от двери, он взялся за ручку.

— Значит, так, — произнес архитектор. — Сейчас я войду сюда, а когда мне понадобится ваша помощь, я вас позову. Стойте, пожалуйста, где стоите, не ходите никуда. Вы меня понимаете?

Циммерман часто закивал.

— Я только не пойму, какая помощь может понадобиться вам в этом коридоре. Или вы…

— Потом, все потом.

Он вошел в дверь, плотно закрыв ее за собой, стремительно прошел коридор и схватился за ручку следующей двери. На все это у Покровского ушло от силы секунд пять.

Когда же он открыл дверь, то первым, что увидел в парадной гостиной, так это стоявшего в полуметре от двери хозяина дома, с нетерпением переминающегося с ноги на ногу.

9

— Вы уже? — спросил Циммерман, едва Покровский выглянул из двери. — Что-то забыли?

Борис нервно сглотнул, но идти обратно не решился.

— Нет, — произнес он как мог, спокойнее, — ничего. Теперь заходите в коридор, — Циммерман послушно выполнил его указание. — И откройте, пожалуйста, дверь на веранду.

— Не понимаю, почему вы….

— Откройте.

Иннокентий Давидович послушно взялся за ручку двери. Борис невольно задержал дыхание.

Он дернул. Раз другой. Затем навалился на дверь, и коротко выдохнув, ударил плечом. Недоуменно обернувшись, снова попытался выдавить дверь, и снова с тем же успехом.

— Не старайтесь, не выйдет, — голос Покровского дрогнул

— Не понимаю, — убитым голосом произнес хозяин дома. — Что-то заклинило, наверное. Но ведь час назад было все в порядке. Я же сам вам открывал….

— А теперь тяните на себя, — приказал архитектор.

— Но дверь…

— Тяните, — повторил он. И отошел в другой конец коридора, отчего-то боясь увидеть вместе с Циммерманом то, что, откроется глазам хозяина дома, едва тот распахнет заевшую дверь.

Циммерман, упорно толкал дверь, пыхтя от усилий, по-прежнему, надеясь, что та послушается. Дверь не поддавалась, несмотря на все старания Иннокентия Давидовича, и когда Покровский уже хотел напомнить Циммерману еще раз, куда следует дергать, тот, более от отчаяния, потянул дверь на себя.

Она открылась без малейших усилий. И открыла то, что ожидал увидеть Борис. Но не мог представить себе даже в кошмарных снах сам хозяин дома.

Циммерман охнул и как-то немного присел, совершенно подавленный. Архитектор подошел к нему. Тот не обратил внимания, не услышал его шагов, и лишь когда Борис положил руку на плечо Иннокентия Давидовича, хозяин дома очнулся и, вздрогнув всем телом, обернулся на архитектора.

Парадная гостиная была пустой. Оба взирали на лестницу, ведущую на второй этаж дома, на картины Уччелло и Тинторетто, развешанные по стенам, на забытый на столике поднос с остывшим кофе. Всматривались в тихую гостиную. Один с ужасом, другой с некоторым успокоением.

Выдохнув, Циммерман чертыхнулся и медленно перевел взгляд на архитектора.

— Прошу вас, полегче, — произнес Покровский. И указал рукой на забытый кофе.

Циммерман не услышал его слов, и не увидел приглашающего жеста, он был занят другим. Оторвав взгляд от парадной гостиной, хозяин дома круто развернулся на каблуках и, бегом преодолев метры коридорчика, стал ломиться в противоположную дверь. С тем же результатом — стоило ему потянуть золоченую ручку на себя, как та с легкостью подалась; при этом дверь, подле которой стоял Покровский, немедленно захлопнулась.

Циммерман вскрикнул. Обернулся к архитектору и с треском захлопнул дверь. А затем снова попытался открыть ее — сперва, как полагается, а затем — по принуждению, в точности повторяя все жесты и действия Бориса получасовой давности.

— Ладно, бросьте, — почти дружески произнес архитектор, бессилие Циммермана укрепляло его с каждой новой бесплодной попыткой хозяина дома. — Лучше пройдемте сюда.

Иннокентий Давидович покачал головой.

— Но мы вышли оттуда, — он кивнул на дверь, ведущую в другую, или все ту же, парадную гостиную, и уже собирался ее открыть, как Борис, на мгновение, опередив хозяина дома, открыл свою. Тщетны были все попытки Циммермана стронуть дверь с места в любую сторону: пока Борис держал свою дверь открытой, другая не поддавалась никаким усилиям.

— Говорю вам, идите сюда, — произнес архитектор, снова повторяя приглашающий жест. Циммерман заартачился.

— В тот дом я не войду ни под каким предлогом.

— Это ваш дом, — напомнил ему Борис.

— Там — мой, а не здесь. Господи, во что вы меня втянули!

— Вы первый начали, — немедленно парировал архитектор. — Вы же позвонили мне и пригласили на осмотр. Так вот, я готов осматривать ваши переделки — но для этого пройдемте сюда.

— Что я начал, что начал! До вас это был нормальный дом. Без всякой придури. Стоило только появиться вам, как тут все пошло наперекосяк! Не одно, так другое, не другое, так третье. В самом деле, черт меня дернул звонить вам и приглашать на осмотр. Как чувствовал, вот ей-богу, как чувствовал, что вы мне беду накликаете.

— Что вы несете! Это из *вашего* дома я не могу выбраться — или думаете, почему я потащил вас к выходу?

— А что *я*, по-вашему, теперь могу выбраться? Я даже не знаю, куда мне теперь идти, чтобы выбраться.

Покровский невольно усмехнулся, но тут же спрятал свою ухмылку. Отчаяние Циммермана было явно непритворным.

— Идемте за мной. В данном случае, как я уже успел убедиться, это все равно, какой из двух домов выбрать. Вернее так, в какую дверь войти, чтобы оказаться в доме. На самом деле, дом один, вот только выбраться из него через парадный вход нельзя.

— Я не понимаю, — убитым голосом произнес Иннокентий Давидович, не двигаясь с места, попросту боясь двинуться, чтобы не повредить установившимся порядкам и не привести их в еще большее, чем есть, смятение и неразбериху.

— В самом деле, ну чего вы не понимаете, — несколько раздраженно сказал Покровский. — Дом отражается зеркально сам в себя. Этот коридор — и есть своего рода зеркало, или я не знаю, кривая возврата в исходную точку. Скорее последнее, — Борису припомнилось, что давно, еще в детстве, он читал фантастический рассказ о чем-то похожем, но ни автора, ни названия рассказа сейчас не припоминалось. — Ведь мы не можем открыть одновременно обе двери и держать их открытыми. Должна открыться только одна из двух, потому как в любом случае это одна дверь — та, что ведет в парадную гостиную вашего дома.

— Я туда не пойду, — Циммерман привалился к двери и снова попробовал ее открыть. — Не пойду, не уговаривайте…. Да что вы стоите. Помогите лучше мне.

— И не подумаю.

— Но почему?

— А вы не понимаете, да?

— Нет, увольте, не понимаю. Слушайте, оставьте меня в покое, ради всего святого, оставьте и уезжайте, куда хотите, и не приезжайте больше никогда, я вас очень прошу. Ну почему вы улыбаетесь? Что вам только смеяться надо мной хочется. Вы же сами хотели выбраться отсюда, так выбирайтесь и уезжайте, я вас не держу.

Покровский медленно покачал головой.

— В том-то и закавыка, что не могу. Как раз вы-то меня и держите.

— Я?! Да с чего вы взяли, черт вас побери? — Циммерман едва не задохнулся от возмущения.

— А ваши костюмы?

— Не понимаю, что мои костюмы?

— О, Господи, да ведь вы их меняли, как фокусник карты. Все время, пока мы разговаривали под лестницей а левом крыле. То на вас был твидовый, то кашемировый. А то вдруг светлый хлопковый на себя нацепили. Я вам сказал, что он не к лицу, вы и поменяли его назад, на тот самый кашемировый.

Циммерман издал звук, выражения которого не сыщется ни в одном языке мира.

— И каким, позвольте узнать, способом я все это умудрялся проделывать перед вами? Вы в самом деле, рехнулись, или давно, или уже в этом доме, нет, точно этот дом так повлиял на вас, что вы, едва переступив порог, очень быстро сошли с ума. И городите такой вздор, что… — вероятно, он вспомнил о дверях, потому как разом замолчал. И продолжил тихо, совсем другим голосом: — И еще надо мной издеваетесь. Я ведь тоже хочу знать, каким образом этот дом так *вас* слушается, что я теперь из него даже выйти уже не смогу.

— Не вы, а я.

— Нет уж, простите, скорее я, чем вы.

— Я первый попытался выйти, и дом не пустил меня! — рявкнул Покровский. — А ваши переодевания, я что, по-вашему, галлюцинировать начал?

— Знаете, я бы не удивился, этому. Тем более, что могу вас уверить, что с утра ношу этот кашемировый костюм — на сей раз и вы видите, что на мне кашемировый? — не снимая.

— Сейчас да, но в *том* доме….

— Ах, уже в том. А я еще полагал, что вы надо мной подшучиваете, когда говорите, что мне не идет кашемир. И, между прочим, вот как раз на вас весьма странный костюм. Я не хотел говорить раньше, но теперь просто вынужден. Ведь ваши брюки не соответствуют вашему же…

— Я это прекрасно знаю. Перепутал при выезде…. Что вы так смотрите на меня? Думаете, такого не бывает.

— Что вы могли перепутать?

— Два разных костюма. Я спешил и….

— Ну конечно, — хмыкнул Циммерман. — Похоже, что дело не только воображение, но и…

— А дверь, это тоже воображение, Иннокентий Давидович?

Циммерман замолчал и отвернулся.

Покровский зло усмехнулся. Над чем он спорят, в самом деле, как малые дети. В чем пытаются друг друга обвинить? В том, что дом заставляет теперь играть их обоих по своим правилам — только и всего. А они оба никак не хотят признать очевидного.

Он резко ухватил Иннокентия Давидовича за рукав, тот самый, треснувший по шву. Циммерман не посмел дернуться, и был вынужден идти следом за архитектором, хотя и покорившись чужой силе, превосходящей его собственную, но, внутренне, не покоренный силою. Так они вошли в гостиную. И лишь после того, как за хозяином дома закрылась дверь, Борис отпустил своего визави.

Циммерман устало подошел, вернее, доплелся до угла гостиной и рухнул в кресло. Пригласил Покровского, тот охотно принял его предложение.

— Посуда… позвольте, я все же уберу.

Борис кивнул, Иннокентий Давидович нехотя поднялся. А затем стремительно, враз переходя на бег, рванулся к выходной двери. Покровский вскрикнул, но задержать хозяина дома не успел: когда он поднялся из теплых объятий дивана, Циммерман уже открывал дверь.

Та хлопнула, а через мгновение открылась. Иннокентий Давидович осторожно заглянул внутрь.

— Заходите, не стесняйтесь, — произнес архитектор. Циммерман вздрогнул всем телом, резко оглянувшись в его сторону — поначалу он не увидел Покровского. — Ну что же вы стоите?

Циммерман снова исчез за дверью и снова, столь же быстро, появился. Прошел в гостиную и со вздохом сел в кресло, сокрушенно качая головой.

— Ничего не выходит. Дом держит, как проклятый, не знаю, что и делать. Очень скверно, не представляю теперь, как я с вами буду на улицу выходить.

— Почему со мной?

— Да потому, что дом и вас не выпустит. Вас, как мне кажется, в первую очередь.

— Вот как? — холодно поинтересовался Покровский. — Прежде вы говорили как раз обратное. Интересно, кто же вас столь быстро переубедил, неужто, сам замок.

— Послушайте, Борис Анатольевич, ведь не я строил этот дом, и не по моему заказу его возводили. Это ваша работа, ваша от начала и до конца. А стало быть, извините, но вывод напрашивается сам собой. Это я осознал внезапно, как откровение, когда метался один меж одинаковых дверей *вашего* коридорчика.

— Но *вы* ведь меня пригласили. Другой вывод тоже напрашивается сам собой.

— Значит, это стечение обстоятельств. Роковых, если хотите. Если бы мне в вашей конторе не дали мобильный номер телефона зодчего, а сказали, к примеру, следующее: «да Иннокентий Давидович, мы сами приедем, посмотрим, потому, как наш шеф никогда не выезжает на свои стройки, ни при каких обстоятельствах», вот тогда, несомненно, все было бы по-иному.

— Они не могли так сказать. Вы сами прекрасно знаете, почему. Вам был нужен именно я, а не мои помощники.

— Они так и сказали, — твердо повторил Циммерман, выдерживая пристальный взгляд Бориса. — И дали ваш номер. И, что интересно, вы сами, Борис Анатольевич, неужто запамятовали, немедленно согласились встретиться. Значит, либо вы изменяете своим привычкам не посещать дома, построенные по вашим чертежам…

— Не изменяю.

— Значит, речь идет об исключении из правил. Я прав на сей раз?

Покровский неохотно кивнул. Конечно, во время телефонного разговора Борис не мог даже вспомнить адреса *своего дома*, но, подсознательно, он все время держал его в самом дальнем уголке памяти, берег и лелеял, чтобы не дай бог, не затерять, во время бесчисленных удалений «лишнего материала», бесконечных вычисток памяти от избыточных картинок, эмоций, беспокойств. От всего, что могло помешать ему в работе, что могло помешать ему в жизни… хотя его жизнь на две трети это и есть работа. А оставшаяся часть — это… времяпрепровождение, порой унылое, порой бесшабашное, но с тяжестью на сердце, со страстным желанием *что-то сделать еще,* с усталой мукой, к которой он так привык за последние годы, особенно за последние.

Наверное, это можно назвать жаждой творчества. Творчества, которому никто не мешает, он и в самом деле истосковался по нему. И акварели воздушных замков, изредка рисуемых им, не помогут, только созданный целиком и полностью по его задумке проект — к примеру, построенный для Самохвалова — только он может ненадолго утешить его. Но лишь для того, чтобы снова разжечь в душе ту самую усталую муку, что не дает ему покоя, заставляя всякий раз перед сном рисовать в профессионально разработанном воображении те самые «голубые города, у которых названия нет» и которым, к величайшему его сожалению, не предвидится, воплощения. Только эскизы и чертежи. Пылящиеся на верхней полке его рабочего кабинета.

Циммерман угадал, сложив одно с другим, это нетрудно. Нетрудно угадать, трудно понять, что это такое — создать, после стольких лет, кажущихся бессмысленной чередой недель и месяцев, заполненных работой, которая не вдохновляет, и которая этим заставляет уставать куда больше, нежели любой проблеск творчества, создать что-то, целиком и полностью принадлежащее ему. Одному ему, его фантазии, его прихоти, его стремлению. И никаких указаний, ограничений, условий. Ничего, только он и… в тот раз его сон. Прекрасный сон, воплотившийся в жизнь.

Ужасный сон, не выпускающий его из покоев своих.

— Исключение из правил, — повторил Борис, медленно выдавливая из себя каждое слово. И еще какое исключение. Но об этом Циммерману лучше не говорить.

— Значит, я оказался прав. Значит, получается, что как раз я здесь лишний, и ваш дом хочет чего-то именно от вас…. Знаете, я к такому привык за прошлую свою жизнь, в которой не мог позволить себе купить не только дом, — пару обуви. Привык и не удивляюсь, поверьте, что вы считаете меня неким… порождением этого дома, что ли. Ну, или, польщу себе немного, хозяином этих порождений. Чем-то вроде демона-искусителя, заманившего вас в ваши голубые города.

Борис вздрогнул, услышав только что озвученные Иннокентием Давидовичем его мысли.

— Значит, я снова не ошибся, — спокойно констатировал Циммерман, уже не глядя на архитектора. — Понимание всего происходящего, друг мой, приходит с опытом. А у меня опыта, — просто поверьте старику на слово, —предостаточно.

— Верю, — одними губами ответил Покровский. — И потому хочу спросить.

— Я знаю. Вы уже не раз говорили мне об этом.

— Тогда что вы мне ответите?

Циммерман пожал плечами. Посмотрел на свои руки, лежащие на коленях. А затем неожиданно произнес:

— Мне кажется, мой ответ придется вам не по душе.

— Мне все равно, — произнес он ровным голосом.

— Тогда я предлагаю вам пройти в левое крыло дома и осмотреть комнаты, которые я подверг переделке. Как мы и сговаривались с вами… верно, вам кажется, в прошлой жизни. Или в параллельном мире, уж не знаю, насколько вы любитель подобного чтива.

Борис вздрогнул, но смолчал, его собеседник прекрасно видел реакцию архитектора.

— Я так и предполагал, — спокойно ответил он. — Вы хотите выбраться из дома, не считаясь с его мнением.

— Чьим мнением? — прошептал Покровский.

— Вашего дома, разумеется. Вашего дома. Ведь для чего-то он держит вас в себе. И меня за компанию. Вполне возможно, чтобы я подействовал на вас. Положительно для задумок замка, разумеется.

— Вы перегибаете палку, — произнес Борис, но не слишком уверенно.

— Возможно. Но я пытался выйти из дома, своего дома, заметьте. И что же… ощущение было сильным, до сих пор руки дрожат, — Иннокентий Давидович в подтверждение своих слов вытянул тонкие, покрытые белесыми волосками руки перед лицом Покровского. Борис медленно отвел взгляд. — Как и у вас, наверное.

— Да, — Покровский смотрел на него с неприкрытой неприязнью. Улыбка медленно погасла на лице хозяина дома. — Но я тоже не тот, за кого вы меня держали последнее время.

— Простите, — не мудрствуя, ответил хозяин дома. — Но ваше поведение… простите еще раз. Я не сразу понял, в чем тут суть.

— Одно вы поняли, другое — не сразу, — произнеся эти слова, Покровский немедленно прикусил язык. — Извините и вы меня, — сухо произнес он.

— Ладно, обменялись любезностями, — Циммерман качнулся в сторону архитектора. — Но что вы намереваетесь теперь делать? Ведь от вас… гм, можно сказать, и я стал зависим.

Циммерман устало взглянул на собеседника и откинулся на спинку кресла.

— Позвольте спросить, — скороговоркой произнес Борис, — может, вам что-нибудь приходит на ум?

Молчание. Циммерман несколько мгновений смотрел в стрельчатое окно на потускневшую, покрытую тенью от дома, лужайку. А затем нехотя произнес:

— Намек, говорите…. Нет, вот вам крест, даже намека никакого. — И снова перевел взгляд на лужайку.

Креститься впрочем, он не стал. Покровский внимательно следил за хозяином дома — пристально, сразу после произнесенной фразы, шаблонной в обыденном разговоре, но приобретшей совсем иной смысл здесь. Циммерман продолжал разглядывать лужайку, руки его покоились на коленях, как и прежде. Вот только он подал Борису новую идею, за которую тот ухватился немедленно.

— Значит, остается одно из двух, — быстро произнес Покровский. — Либо я пытаюсь пробиться в окно, с вашего разрешения, разумеется, — либо…. Простите, у вас какие-нибудь предметы культа имеются в доме?

— Вы о чем? — не понял Циммерман.

— Церковные принадлежности: кресты, кадила, свечи, ладан. Семисвечник, как его, минора….

Тот как-то даже испуганно потряс головой.

— Нет, что вы, я совсем не религиозный человек. И уж, наверное, не иудей, как вы подумали.

— Нет, дело не в том.

— Тогда и вовсе не понимаю. Если вы насчет окон подозреваете, и, кстати, в этом я с вами, боюсь, буду согласен, что они не откроются, так это можно проверить, безо всякой горячки. Только не тут. В парадной гостиной вы предусмотрительно создали их изначально не открывающимися. Возможно, откроются на втором этаже, кстати, я туда тоже хотел вас сводить и именно по той просьбе, по которой и пригласил, позвонив, сегодня утром. Вы, надеюсь, не побоитесь спуститься с помощью веревки со второго этажа? — вот и отлично, тогда можно попробовать и так. Отличный шпагат у меня есть в гардеробной, длина десять метров, нагрузка полтонны. Уж за него можете не опасаться.

— Если дверь в гардеробную откроется.

Иннокентий Давидович вздрогнул невольно. И тут же ответил, необычно громко, точно заглушая собственные мысли таким способом:

— Вы стали слишком мнительны после первой же неудачи, Борис Анатольевич. Надо всегда сперва проверить, а потом уже впадать в отчаяние. Да и при том, чт*о* наши проблемы по сравнению с Вечностью. Кажется, это изречение царя Соломона.

— А говорили, что не иудей, — утомленно сказал Борис.

— Не иудей, — тут же ответил хозяин дома. — Хотя для вас, судя по моей фамилии и происхождению, несомненно, должен был быть им. Я в меру начитанный человек, хорошо знакомый с классикой. Ведь библию в первую очередь можно отнести к шедеврам мировой классической литературы, а уже потом к предмету поклонения именно той религии, к поклонникам которой… — неожиданно Иннокентий Давидович рассмеялся. — Вы что, серьезно меня о церковной утвари хотите попросить?

— Разумеется, почему бы нет.

— Но, право же, почему вы решили, что сможете справится с домом при помощи креста или святой воды. С чего вы взяли, что в ваших бедах виноват именно Люцифер. И почему решили, что крест в ваших руках обретет невиданную силу, способную противостоять дьявольской?

Борис смутился.

— Нет, я далеко не уверен. Напротив. Просто это первое что мне приходит в голову, в такой ситуации.

— Тогда позвольте узнать, Борис Анатольевич, — в голосе Циммермана зазвучали, как прежде, язвительные нотки, — а вы сами крещеный?

Покровский смешался. Проглотил комок, застрявший в горле. И только после этого неуверенно произнес:

— Не знаю… не уверен.

— То есть как это?

— Не уверен оттого, что не спрашивал у родителей, крестили они меня или нет, — против воли раздражаясь, ответил Борис. — До этого момента мне не было это интересным.

— А сейчас вы полагаете, это может помочь.

— А почему нет! — и более спокойно продолжил. — Мне надо было бы поинтересоваться, конечно, но я….

— А родители ваши?

Покровский лишь плечами пожал.

— Мама крещеная, это я точно знаю. А отец… он умер, когда я еще совсем маленький был. Я его совершенно не помню…. Вы думаете, это имеет серьезное значение?

Циммерман не ответил на вопрос, задав свой.

— В церковь она ходила, хоть изредка?

— Пожалуй, только на родительскую субботу, да по праздникам. И моего отца помянуть…

— А вы?

— Зачем?… ах, да. Нет, почти нет. В Москве был лишь в музейных церквах, на экскурсии. А действующую… — он замолчал на несколько секунд. — Да, я заходил в Храм Гроба Господня в Иерусалиме, на Пасху во время Схождения Благодатного огня; набился вместе с верующими в церковь, посмотреть на чудо, получил частицу, потом долго не знал, что с ней делать…. Это еще в девяносто пятом дело было. Когда Ицхак Рабин жив был, — зачем-то уточнил Покровский.

— Я понял. А сам Благодатный огонь…

— Кажется, поставил в другой церкви, тоже православной. Да зачем он мне был нужен. Я ведь и предположить тогда не мог, что мне с ним делать. Не в гостиничный же номер тащить. И как тогда я мог знать, что все так обернется, — в голосе Бориса просквозило отчаяние. — Конечно, если б знать, да… — он махнул рукой. И неожиданно продолжил: — Но ведь можно священника вызвать, у вас где-нибудь церковь неподалеку есть?

Хозяин дома устало покачал головой.

— Да говорю вам, не поможет тут священник, не в нем дело. Разве что слова утешения скажет, может, окрестит вас, на всякий случай, если вы того пожелаете.

Покровский хмыкнул.

— Я не знаю, как креститься даже. В смысле, в какую сторону: справа налево, или слева направо.

— Тут уж я вам совсем не помощник, — ответил Иннокентий Давидович. — В таких вопросах я не разбираюсь.

Покровский вскочил с дивана и принялся ходить от окна к двери коридора. Выглянул на лужайку и некоторое время смотрел на свой внедорожник, припаркованный у самого дома. До него напрямую было не более пяти метров. Всего пяти. Казалось бы, преодолеть это расстояние можно за секунды. А он — Борис невольно скосил взгляд на наручные часы — пытается пробиться к своей машине уже полтора часа. И ни на йоту не продвинулся к решению этой проблемы.

Разве что попросить человека со стороны, из церкви, заранее зная, что люди этой профессии не откажут. Или сперва убедиться в полной невозможности выбраться самостоятельно. Покровский горько усмехнулся. Трудно представить, что может убедить сильнее, нежели то ощущение, что он испытал в коридоре, в обе стороны выводящем в гостиную. Неоткрывающиеся окна по сравнению с этим были простой банальностью. Хотя, может быть, Циммерман

позволит разбить одно, где-нибудь с противоположной стороны здания, чтобы не было сильно заметно. И тогда помощь священника уже не потребуется.

— Дело не в бесовской силе, — продолжил уговаривать архитектора хозяин дома. — Не в сатанинской одержимости этого места. Не в засевших за портьерами духах.

— Вы уже говорили это, — Борис снова снялся с места и заходил из угла в угол. — Я понял, понял. Но мне не хочется, так сказать, идти на поводу у собственного творения. Да и что он от меня хочет, в самом деле?

Циммерман встал следом и поймав Покровского за руку, остановил его беспокойное блуждание по гостиной. Борис резко обернулся к хозяину:

— А телефон у вас где?

Вместо ответа Иннокентий Давидович кивнул в сторону невысокого секретера, стоявшего под лестницей возле двери в кофейную гостиную. Борис прошел к нему и на крышке обнаружил трубку радиотелефона. Красный огонек светился, показывая ему, что аккумуляторы в порядке, и он может позвонить.

— Не знаю, зачем вам все это, — не слишком уверенно произнес Циммерман, не сдвигаясь с места.

— Вызову священника. Или спасателей, если дело примет совсем уж скверный оборот. Простите, Иннокентий Давидович, у вас телефонная книга где.

— В секретере. На верхней полке, — хозяин дома продолжал стоять у кресла, сложив руки на груди и в недвижности уподобившись манекену. Борис вынул из сложенных на полке книг самую толстую и потрепанную, со множеством закладок, сделанных из рекламных проспектов, бросаемых в почтовый ящик. Телефонный справочник был за прошлый год.

Он искал довольно долго, сперва не на ту букву, наконец, обнаружил рубрику «Храмы». Все это время Циммерман простоял на прежнем месте, с олимпийским спокойствием наблюдая за действиями своего гостя. Помогать Борису в его затее он не собирался.

Покровский включил аппарат и стал набирать номер. Противное пищание, донесшееся из трубки, отвлекло его. Красный огонек замигал, а затем и погас, на экране показалась надпись «Уровень заряда 0%» и через мгновение трубка умерла.

10

Борис тряс трубку, затем вскрыл ее, постучал по аккумулятору, вложил пластину обратно и снова попытался оживить аппарат. Безрезультатно.

Он бросил взгляд на недвижного Циммермана. Знал ли он, что трубка разряжена?

— Что у вас там? — поинтересовался хозяин дома, выходя из состояние полной прострации.

— У вас трубка села. Где находится ее база?

— У меня в рабочем кабинете, — Иннокентий Давидович наконец-то соизволил подойти и убедиться в очевидном. Положив трубку на секретер, он произнес: — Но если вы так гнушаетесь пройти туда, я могу предложить вам параллельный аппарат в столовой. Им почти никто не пользуется, он дисковый, и это не очень удобно, когда надо перевести телефон в тональный режим. Кстати, телефон мне достался от Самохваловых, — неожиданно прибавил Циммерман.

— Тогда идемте.

— Простите, я бы хотел убрать…

— Ничего, идемте. Это важнее.

Покровский решил таскать хозяина дома с собой по всему особняку во избежание каких-либо неожиданностей, которые может вытворить замок, едва он останется наедине со своим творением. Тем более, что Иннокентий Давидович не стал возражать, напротив, с готовностью повел Бориса в столовую. Видимо, надеясь, что тот все же посмотрит переделанные комнаты. Покровский и посмотрел бы — может, статься, и даже с интересом, кабы его не занимала совсем иная задача. Главное сейчас было не отстать от хозяина дома и не потерять его в переплетении самим архитектором созданной сети коридоров, пронизывающих весь дом.

Иннокентий Давидович дошел до того окна, где некогда поджидал Покровского, и остановился.

— Проверять будете? — спросил он. Борис кивнул.

— Может, вы сами попробуете. Для начала.

Циммерман невозмутимо пожал плечами и, отдав Борису бесполезную трубку, взялся за оконную завертку. Открыв ее, он поднялся на цыпочки и проделал тоже самое с верхней ручкой окна. Затем подергал, сперва легко, а после первой неудачной попытки — чуть сильнее, более из уважения к стоявшему рядом архитектору.

— Туго открывается, — заметил Циммерман, на сей раз дергая со значительной силой. Борис ядовито хмыкнул. — Да нет, я, еще, когда вас поджидал, с трудом открыл. Сырость, вероятно, из подвала идет, раму и перекосило.

— Какая сырость, на всех окнах стеклопакет. Повращайте ручку, попробуйте открыть фрамугу.

Но ручку заело после первого же поворота. Покровский отстранил хозяина дома и принялся за дело сам.

— Вы только окно мне не выбейте, — тут же встревожено вставил Циммерман.

— Счет пришлите, оплачу, — ядовито ответил Покровский и снова с усилием дернул.

Но окно держалось, будто, влитое в раму. Одной ногой встав на подоконник, Борис дернул снова, и снова ему показалось, что отворить его возможно, лишь выковыряв весь оконный массив из проема: он словно составлял единое целое, никогда не разделяемое прежде. Покровский присмотрелся к щелям. Нет, они наличествовали, едва заметные, как оболочка мыльного пузыря. Но, тем не менее, что-то не отпускало окно из рамы. Хозяин дома стоял рядом, вновь превратившись в зрителя. Когда Покровский отошел от окна, Иннокентий Давидович произнес:

— Вы второе окно посмотрите? Только, так уж получилось, я его с осени не открывал. Осторожнее, не запачкайтесь.

— Постараюсь, — Борис посмотрел на грязный откос окна с внешней стороны. И снова принялся открывать завертки и фрамугу. Делал он это вполсилы, не так как раньше, впрочем, на результате это нисколько не сказалось.

Циммерман вздохнул, будто удовлетворенный этим. И предложил Покровскому, раз уж более окон на их пути не встретится, продолжить прерванное путешествие и зайти в столовую, благо что до нее осталось — всего несколько метров, первая дверь справа.

Так получилось, что Борис подошел к ней первым. И с прежним отчаянным усилием дернул на себя, так, что косяк затрещал.

— В другую сторону, — напомнил Иннокентий Давидович. Голос его был спокоен, и все же Борис никак не мог отделаться от мысли, что внутренне Циммерман потешается над его подчас смешными попытками ломиться в открытые двери.

— Благодарю за уточнение, — произнес Покровский, открывая дверь, входя и оглядываясь.

Телефон стоял на маленьком столике подле окна. В просторной столовой их было три, каждое заставлено горшками с экзотическими растениями, названия которых Борис попросту не знал. В углу у входа, на горке стоял разросшийся аспарагус, разбросавший сетчатые листья так, что закрывал ими верхнюю полку горки, на нижней полке которой стояло семейство слоников, амурчики, пастушки и пастушки и прочая милая сердцу всякой женщины чепуха.

Возле окошка, ведущего в кухню, через которое подавалась хозяевам еда, стоял большой шкаф, заполненный антикварной посудой, скорее всего, выставленной напоказ, нежели для пользования, и по другую сторону окошка, нелепая статуя Бахуса. Противоположную сторону украшал вид горной местности в разгар туристического сезона — цветущие поля, спускавшиеся к далекой реке, какие-то деревушки в отдалении, заплатки возделываемых виноградников, перемежаемые пустошами и редкими, ближе к сизым от туманной дымки горам, островками леса. По замыслу Покровского здесь должна была висеть копия картины Джузеппе Арчимбольдо «Вертумн», сделанная кем-то из учеников мастера, отменно сохранившаяся за четыре века работа, но ее по каким-то неведомым причинам либо перенесли в другое место, либо вовсе убрали или продали. А может, Самохвалов забрал ее к себе в московские апартаменты. И не нашел ничего лучшего, чем поклеить фотообои. На фоне итальянской мебели в псевдоготическом стиле.

Впрочем, говорить об всем этом хозяину дома, Борис не стал. Подсел к телефону и снял трубку. Сам Иннокентий Давидович, неловко переминавшийся у входа, выдвинул один из десяти стульев, окружавших огромный, в полстоловой, стол, и присел на краешек. Словно и не хозяин он здесь, а случайный посетитель, ошеломленный увиденным экскурсант богатого дома, чьи подлинные хозяева решили устроить благотворительный показ своего благосостояния.

Сам Циммерман и не смотрел в сторону Бориса, разглядывая, подобно экскурсанту, высокую хрустальную люстру столовой, висевшую аккурат над столом. Впрочем, едва Покровский снял трубку, Иннокентий Давидович, верно, услышал гудок, и спокойно произнес:

— Вот видите, ведь хотя и техника допотопная, но по-прежнему в рабочем состоянии.

— Я вижу, — ответствовал архитектор, по возможности, стараясь оставаться спокойным, хотя сердце так и подпрыгнуло, когда он услышал долгий гудок, означавший больше, чем просто «свободно». — Вернее, слышу. — И потянулся за телефонной книгой.

Три первых звонка были напрасны — к телефону никто не подошел. Хотя в последний раз Борис ждал очень долго, гудки раздавались в аппарате не менее двадцати раз, потом что-то щелкнуло, и связь прервалась. Он набрал номер сызнова, но снова ответа не было.

Тогда он повесил трубку и начал набирать номер Патриархии. С непривычки, Борис уже очень давно не пользовался такими аппаратами, он все норовил сперва нажать на цифру, и только затем, спохватываясь, начинал крутить диск.

— Давайте я вас сменю, — неожиданно предложил Циммерман, делая попытку подняться на стуле.

— Нет, благодарю, я сам.

В Патриархии тоже никто не ответил. Странно, но все возможно. Может статься у них обеденный перерыв. Или время молитвы. Кто этих попов разберет, когда до них можно дозвониться, а когда нет?

Борис набрал номер своей компании. Те же знакомые гудки, будто проваливающиеся в пустоту. После пятого, он положил трубку и стал внимательно перенабирать номер, всматриваясь в каждую цифру, прежде чем закрыть ее пальцем и стронуть с места диск.

Гудки уходили в никуда, теряясь в бесконечных проводах, опутавших, точно паутина, всю Москву. Он будто чувствовал, как его сигнал слабеет, глохнет, теряется где-то на половине пути между ним и вызываемым аппаратом. До которого доходит столь слабый, настолько искаженный сигнал, что тот не решается побеспокоить им присутствовавших рядом людей, принимая его за ошибку, за случайное стечение токов в бесконечных проводах.

Кроме того, в его конторе оба раза не сработал автоматический определитель номера, стоявший на аппарате. Это было уже не странно, это казалось попросту необъяснимым.

Он поднял голову от справочника.

— А это точно московский номер? — Покровский кивнул на аппарат, вглядываясь в лицо Циммермана.

— Да, конечно.

— А мобильный у вас есть?

Циммерман развел руками.

— Извините, он как-то мне никогда не был нужен. Да и по работе — меня всегда знают, где найти.

Борис вздохнул, и стараясь не слушать Циммермана, набрал 100. Изумленно выдохнув, положил трубку на рычаги, а затем снова схватил ее и стал набирать еще более простой номер 01.

Те же гудки. 02…. Пусто. 03…. Не отвечают. 04 — он уже не помнил, что это, 05, но этот номер не работал вовсе, тогда он вспомнил про 09.

И через минуту положил трубку, тяжело выдохнув, словно после бешеной гонки. Подобной той, недавней….

— Этого не может быть, — он был раздавлен, и надтреснутый, крошащийся на звуки голос выдавал его. — Этого просто не может быть. Не может, — прошептал он едва слышно.

Борис опустил голову на аппарат, прижавшись к холодной поверхности разгоряченным лбом. Шарканья туфель он не услышал, лишь почувствовал, как на плечо легко-легко легла чья-то рука. В этот момент ему было безразлично, чья.

Он поднял голову — на черной эбонитовой трубке отпечатался мокрый кружок от его лба. Посмотрел на подошедшего хозяина дома, так, словно не замечал его. Впрочем, в первые мгновения, он и впрямь не увидел Иннокентия Давидовича, неожиданно вспомнив, что вот так легко-легко клала на его плечо руку мама, когда….

— Без толку? — спросил хозяин дома. — Тогда, может, пойдемте к другому аппарату, может с него у нас с вами что-нибудь получится… Борис Анатольевич, вы слышите меня?

Он слышал. Но отозваться не мог. Горло сдавило тисками. Воспоминания или что-то иное.

Наконец, он поднялся со стула. Медленно, не слишком уверенно. Словно бы сомневаясь в том, что случилось с ним в эти минуты. В приливе удачи, за которой немедленно последовало

поражение. Поражение не отпустило его далеко, догнало, едва он посмел возликовать в душе, услышав в трубке долгожданные гудки.

Значит, здесь не надо надеяться, просто не надо. Надо искать и находить, и бороться за то, что нашел. А надежда — она лишь помешает поискам, взволнует и обманет. Снова оставит ни с чем.

— Телефон не работает, — наконец, смог сказать Борис, объясняя уже очевидное. — Я имел в виду, не соединяет ни с кем.

Циммерман кивнул.

— Наверное, этого и следовало ожидать. Может быть, попробуем все тоже с другого аппарата. Он как раз установлен в моем рабочем кабинете, так что, вы заодно можете….

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.